

ПОСЛЕДНИЙ КОНТАКТ

ЕВГЕНИЙ ИЛЬИЧЕВ

Евгений Ильичев

Последний контакт 3

«Автор»

2024

Ильичев Е.

Последний контакт 3 / Е. Ильичев — «Автор», 2024

Спасательная экспедиция людей к неопознанному космическому объекту провалена. Оказавшись заложниками сильнейшего гравитационного поля, земляне теперь сами нуждаются в помощи. Последним волевым усилием человек-Мирская сохраняет жизнь Роману, сводит к минимуму влияние психотропного оружия ваэров на экипаж "Прорыва" и удаляется в Солнечную систему. В руках Романа оказывается важная информация, которую ему нужно передать на Землю, но кто даст гарантию, что выжившие офицеры "Прорыва" поверят репликанту и рискнут довериться недочеловеку, убившему, по их мнению, экипаж "Марка-10"? Тем временем на Земле люди подвергаются массовой атаке со стороны "Юкко" и массово сходят с ума. Лишь избранные понимают что происходит, но выход из ситуации каждый видит по-своему. Отныне ключом к спасению человечества является человечность - вопрос лишь в том, поймут ли это люди?

© Ильичев Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	47
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Ильичев

Последний контакт 3

Глава 1

Часть 1 – "Прорыв"

Ночь – время особенное. Большинство людей ночью предпочитают спать, такова физиология и циркадные ритмы людей. Ночью замедляются многие обменные процессы, продукция одних гормонов останавливается, выработка других усиливается. Организм пытается восстановить силы, а мозг, утомившись за день, требует сна, дабы иметь возможность обработать и отфильтровать накопленную информацию.

Бесспорно, все эти прописные истины верны, но только с одной оговоркой – верны они на Земле и только для людей простых гражданских профессий. На худой конец эти физиологические особенности учитываются на маленьких гражданских звездолетах и пассажирских лайнерах, где для удобства пассажиров используется штатная система имитации светового дня и ночи. В случае же с огромным межзвездным крейсером или любым другим военным кораблем никакие циркадные ритмы, никакие потребности экипажа в смене дня и ночи не работают и никак не учитываются. Экипажи военных кораблей живут своей особенной жизнью, и называется эта жизнь служба. А если точнее – вахтенная служба.

Варвара Касаткина, будучи дочерью боевого офицера, знала о том, что распорядок жизни на военных кораблях в корне отличается от такового на гражданских судах. И до поры до времени, этот факт ее никак не смущал, поскольку тут, на «Прорыве», она была лицом гражданским и уставу не подчинялась. В ее обязанности как научного сотрудника входило лишь то, к чему ее обязывал трудовой договор. Никаких вахт она не несла, ни в какие караулы не заступала и никак, по сути, в жизни корабля не участвовала. Системы жизнеобеспечения своей каюты она настроила таким образом, чтобы не чувствовать дискомфорта, который испытывают другие члены экипажа, несущие на корабле вахту в три смены. Для них на корабле не было ни дня, ни ночи, ни какого-либо иного времени суток. Были лишь часы вахты, личное время и часы отдыха. Закоренелых вояк таким распорядком не напугаешь, человек быстро привыкает к любым условиям. Что им до смены дня и ночи? Когда не вахта, тогда и ночь. Хотя, правды ради, само понятие суток на корабле все же имелось. Отмерялись эти сутки по внутреннему корабельному времени и ничего общего с земным временем не имели. Человек не может существовать без такой житейской условности, как время.

В общем, часы бодрствования экипажа и научного руководителя полета Касаткиной, частенько не совпадали. Именно поэтому, Варвара редко пересекалась с одними и теми же членами экипажа в свои рабочие часы. Ей было неудобно жить в ином ритме, и подстраиваться под ритм жизни корабля Варвара не желала. Офицерам МЗК «Прорыв», в свою очередь, было до фонаря ее желание спать ночью, а работать днем. У них своих забот хватало.

Так, собственно, и жили. Но сегодня, именно в эту глухую ночь, Касаткина впервые задумалась о том, как все-таки важен был устав во флоте. Особенно он был важен в боевом походе, когда в любой момент, в любую секунду на корабле могли произойти события, способные привести к гибели всего корабля, события обязывающие экипаж к незамедлительному осуществлению мероприятий по борьбе за живучесть.

«Да, – размышляла Касаткина, выбравшись из своей каюты, – как-то я не подумала, что ночью будет также многолюдно, как и днем. Интересно, тут вообще бывает иначе?»

И действительно, «глухой» эта ночь была исключительно для одной Варвары Сергеевны. Остальные же члены экипажа несли службу так же, как и днем. В одном только в жилом отсеке научнику Касаткиной на пути попались подряд три матроса и один заспанный офицер. Видимо, он был только с вахты, или же напротив, никак не мог проснуться перед очередным дежурством – тут уже Варвара не разобралась. В любом случае, выходило так, что осуществить задуманное можно было в любое время суток, не обязательно было дожидаться ночи. Хотя, нет, начальник медслужбы Ратушняк, скорее всего тоже не подчинялся внутреннему распорядку. Где-то Касаткина слышала о том, что внутреннему распорядку могут не следовать начмед корабля, командир и старший помощник – у этой троицы было свое особое расписание, которое, к слову, и врагу не пожелаешь. И Кольский и Сорокин, и Ратушняк могли понадобиться в любую секунду – обстоятельствам плевать на их желание поспать, поесть или, пардон, сходить в галюн. Но устав регламентировал любые мелочи, даже полное отсутствие командования на корабле. В таких случаях за все на корабле отвечал дежурный офицер.

Что же, если так, то это было Касаткиной на руку. Лишь бы никто не прилип со своими очередными ухаживаниями. Тут все было сложнее – как-никак женщин на корабле было раз, два и обчелся.

От недостатка мужского внимания, научный руководитель полета Касаткина не страдала. Правда, за последние два месяца этот вопрос существенно сгладился. Во-первых, во время массового психоза пострадало и, к сожалению, погибло немало людей. Командир и весь офицерский состав тщательно замалчивали масштабы трагедии, но по косвенным признакам, по разговорам матросов, сержантов и старшин, в личных беседах с офицерами МЗК, Касаткина могла предположить, что пострадало никак не меньше трети экипажа. Большая их часть уже вернулась в строй, как-никак с момента бегства «шара» прошло уже два месяца, однако невосполнимые потери все же имелись, что не могло не отражаться на общем моральном духе всего экипажа. Ситуация усугублялась и тем, что все люди, пережившие психоз, помнили о том, как именно вели себя в то время. Они узнали о себе самих, о своей психике такие нюансы... В общем, не каждый мог после такого спокойно жить и работать. Многие из пострадавших до сих пор посещали корабельного психиатра Портнову, хотя она пострадала не меньше, и по мнению Касаткиной сама нуждалась в помощи. Каким образом психолог так быстро пришла в норму Варвара так и не поняла. Ходили слухи, что во время массового психоза Портнову не только избили и порезали, ее еще и зверски изнасиловали, после чего пытались придушить. Девушка выжила лишь каким-то чудом. Сама Портнова разговаривать на эту тему не желала и предпочитала захлебываться работой. Благо работы для нее на «Прорыве» было предостаточно – многие принимали специфическую седативную терапию, борясь с навязчивой и изнуряющей бессонницей, другие нуждались в антидепрессантах, иные же не могли прийти в себя без непосредственного вмешательства психиатра Портновой. Кстати, ходили слухи, что девушка творила чудеса и своими «особыми» беседами могла привести любого человека в относительную норму за два-три сеанса. Впрочем, часть ее пациентов так и не оправилась от шока и были временно отстранены от несения службы. Находились они либо в лазарете, либо на самоизоляции в собственных каютах.

Саму Касаткину массовая истерия и психоз никак не коснулись – если не считать нескольких попыток изнасилования, одна из которых, чуть было, не увенчалась успехом. Касаткину передернуло от воспоминаний. Ей даже пришлось остановиться на короткое время и прижаться лбом к холодной переборке. Память вновь перенесла ее к событиям двухмесячной давности. Сама того не желая, Варвара вновь ощутила на себе руки того вахтенного матроса, который сопровождал ее в каюту, а после заперся с ней и начал домогаться. Тогда Касаткиной повезло, обезумевший матрос не позаботился о том, чтобы выключить все системы внутренней связи в ее каюте. Варваре удалось незаметно включить селектор, а после еще и время потянуть. Страшно было представить, чем могла бы закончиться та история, не обрати тогда

внимание на горящий огонек вызова командир БЧ-5 Павленко. Именно ему Варвара звонила последнему, и именно до него ей удалось дозвониться по селектору во время нападения.

В общем, Павленко тогда спас девушку, тут и говорить не о чем. Но то, как он смотрел на нее после... Варвара помнила, каким был этот взгляд. Вышедший победителем из короткой схватки с обезумевшим матросом офицер выглядел не многим лучше несостоявшегося насильника. Он стоял тогда в ее каюте такой суровый, такой грозный. Тяжело дыша, с разбитой губой, в потрепанном мундире он жадно разглядывал полуголую Касаткину – к его появлению матросу удалось зайти слишком далеко. Варвара тогда предстала перед этим суровым офицером в самом соблазнительном амплуа – она была беспомощна и напугана. Что может возбуждать мужчину сильнее? Обиженная и почти поруганная, вся в слезах, в изодранной форме научного сотрудника, по сути, лишь в одном нижнем белье она представляла собой тогда легкую добычу для Павленко. Он никогда не возвращался к той минуте в разговорах с Варварой, так что его мысли в тот миг для девушки остались тайной. Но его глаза, в них она увидела все. Да он жаждал ее, да он ее вожделел. И, по сути, ему стоило лишь захотеть, и она стала бы его жертвой. Так же, как стала бы жертвой того грязного матроса, не вмешайся Павленко. Тогда Варвара понимала все – Павленко подвергся тому же искушению, которому сдался и вахтенный матрос. Но в отличие от него, Павленко устоял.

– Оденьтесь, Варвара Сергеевна. – Сказал он тогда, через силу выдавливая слова. Говорил он еле слышно, голос его дрожал, не то от возбуждения, не то от адреналина, руки не находили себе места и то сплетались в жесте замка, то принимались нервно бегать по растрепанному мундиру, поправляя его. – Запритесь и не выходите из каюты до особого распоряжения. – Мужчина еще раз окинул взглядом соблазнительную Касаткину, до боли закусил разбитую губу, развернулся на одних каблуках и медленно вышел из ее каюты.

Чего ему стоили эти слова? Через что он прошел внутри себя? Как устоял? Варвара до сих пор не нашла ответов на эти вопросы.

Так, она опять отвлеклась. Разозлившись на саму себя, Касаткина стряхнула резким движением головы наваждение и двинулась дальше по коридору. Как бы она не храбрилась, какой бы сильной себя не считала, те события не могли не оставить в ее психике травмирующих следов. До тех злополучных событий, до всего, что происходило тогда на «Прорыве», до самого полета, Варвара считала, что хорошо знает людей. Она ошибалась. Горько ошибалась. Как оказалось, большинство людей сами себя не знают. Не знают своих слабостей, не знают своей силы, не знают на что способно их подсознание. И самое ужасное для Касаткиной крылось в том, что все эти выводы о слабости человека, в равной степени, касались и ее саму.

Следующие два месяца своей жизни Варвара Сергеевна Касаткина провела в тщетных попытках принять для себя новую реальность. Ей буквально пришлось заново учиться доверять людям. Ну как доверять? В основном, все усилия сводились к тому, чтобы попросту не шарахаться от каждого шороха. В общем же, ко всем людям на «Прорыве» Касаткина отныне относилась с настороженностью. И в первую очередь, к Павленко, что было странным – он-то как раз устоял и своих демонов одолел. Но где была гарантия, что в следующий раз он вновь обуздает свои чувства? А в том, что этот «следующий раз» непременно настанет, Касаткина почему-то не сомневалась.

Девушка собралась с духом, выкинула из головы отвлекающие мысли и двинулась дальше. Ее путь пролегал через жилой отсек, где находились каюты младшего офицерского состава и кубрики матросов, затем транзитом через камбуз и продсклад к медицинскому отсеку.

Избавиться полностью от воспоминаний не удавалось, девушка шла медленно, то и дело хватаясь руками за стены и кремальеры переборок. Каждый шорох, каждый резкий звук заставляли ее хвататься за стазер, с которым она вот уже два месяца не расставалась. Варвара спала со стазером, с ним же ела, с ним же работала, даже в гигиенатор с ним ходила. Вот и сейчас

она могла идти вперед, только поглаживая шершавую, прорезиненную поверхность его рукояти. Раз за разом воображение подкидывало ей ужасные картины несостоявшегося насилия. И почему эти картины так сильно ее будоражат? Неужели на самом деле она настолько слаба? И, кстати, будоражат они ее, или все-таки возбуждают?

Вопрос был отнюдь не праздным – перспектива близости с матросом была отвратительна Варваре, а вот то, как смотрел на нее Павленко... Мммм, сколько же волнующих снов у нее было на эту тему. Вот и сейчас, представляя их вероятную близость с Павленко, она начала испытывать возбуждение. Потянуло где-то внизу живота, участилось сердцебиение, дыхание стало сбивчивым, на лбу появилась легкая испарина.

– Да соберись ты уже, дура! – зло процедила сквозь зубы Касаткина, когда обнаружила саму себя, замершей в переходе между отсеками. Она сделала шаг, еще шаг, миновала пару комингсов и перешла в соседний отсек, где тут же наткнулась на очередного припозднившегося офицера-связиста.

– Варвара Сергеевна... – поприветствовал девушку офицер. Касаткина вздрогнула от неожиданности. Офицер заметил испуг девушки, сам густо покраснел, кивнул, застенчиво улыбнулся и двинулся в жилой отсек.

– Добрый вечер. – Зачем-то бросила Касаткина вслед молодому офицеру, медленно убирая руку со стазера. На самом деле она не имела привычки заговаривать с малознакомыми членами экипажа – эти слова сорвались с ее губ, скорее от испуга.

Варвара тут же осеклась: «Какой, к черту, вечер? Ночь же на часах!»

Так, нужно собраться. В таком состоянии, исполнить то, зачем она направлялась в медицинский отсек, будет трудно.

На камбузе царило привычное оживление. Тут почти всегда было многолюдно. «Прорыв» не так давно вновь перешел к трехсменному графику несения вахты и процессы пополнения складов, приготовления пищи и заступления на дежурство нарядов практически не прекращались. Камбуз жил своей жизнью. Гремела металлическая посуда, шипели краны, натужно гудели миксеры и шинковальные аппараты, отовсюду слышалась болтовня матросов и коков, витали запахи кухни. От них в пустом желудке Касаткиной призывно заурчало. В последние сутки она почти ничего не ела – столь велико было напряжение перед предстоящим злодеянием, на которое она решилась. Только сейчас девушка поняла, что добровольный отказ от пищи был не так уж необходим, он даже скорее мешал ей сейчас. Но не могла же она просто забить на свою миссию и свернуть в раздаточную. Соблазн был велик, тем более что почти всех коков Варвара знала в лицо, и никто из них не осмелился бы выпроводить ее с камбуза, попроси она чего-нибудь съестного. Напротив, Касаткина всегда была желанной гостьей на камбузе. Мужчины – что с них взять? Каждый норовил угодить красивой девушке и изгалялся, как мог.

Касаткина на минуту заколебалась.

«А что, это мысль» – улыбнулась она идее только что посетившей ее светлую голову и уверенно вошла в варочный цех. Откуда-то из недр цеха сквозь клубы пара к ней уже спешил дежурный кок. Варвара узнала парня, его, кажется, Саша звали.

– Привет. – Улыбнулся молодой мичман, вытирая о белую фланку мокрые руки. – Какими судьбами? Я думал, ты по ночам дрыхнешь, как все гражданские.

Касаткина улыбнулась коку в ответ и демонстративно потянулась, изобразив усталость. Также она не забыла провести рукой по волосам и вложить в свою улыбку ту обворожительную невинность, с которой девушки на Земле флиртуют с мужчинами, навсегда изгнанными ими во френдзону.

– Работы было много, вот, решила разжиться харчами. До утра, боюсь, не дотяну.

Саша просветлел. Ни один порядочный мужчина не упустит возможности предстать перед красивой девушкой спасителем.

– У меня как раз есть кое-что для тебя.

– Ммм, – Касаткина игриво облизнула губы, мгновенно набросив на себя образ наивной девчушки, – это твое «кое-что» звучит крайне заманчиво.

Коку такая игра была по душе. Естественно, никаких иллюзий на счет Касаткиной он не строил – не по Сеньке была шапка. Но упустить возможность разбавить свои скучные поварские будни легким и ненавязчивым флиртом был не в состоянии.

– Я сейчас, – подмигнул он девушке и вновь скрылся в клубах пара. На минуту Касаткина осталась в варочном цеху одна.

Она огляделась по сторонам. Камбуз, как камбуз. Он почти ничем не отличался от таких же на Земле. Будучи дочерью офицера, Варвара не раз посещала работу отца. Любящий генерал естественно не упускал возможности подкормить ненаглядное чадо и частенько таскал дочь вот на точно такие же камбузы. Если сильно абстрагироваться от текущих реалий, можно было даже представить себя там, на Земле. Та же обстановка, те же запахи, те же звуки. Вот-вот и из клубов пара выйдет не заспанный кок, а ее отец. Он улыбнется дочери, потреплет ее по голове тяжелой, шершавой ладонью и вытащит из-за пазухи яблоко или апельсин. Касаткина улыбнулась своим мыслям. Как раз в этот момент из клубов пара выскочил Саша, разрушая своим появлением хрупкую иллюзию дома. Завидев улыбку на лице девушки, он расплылся в такой же глупой улыбке и протянул Касаткиной сверток.

– Вот, – час назад испек. – Горделиво изрек мичман.

Девушка не стала менять выражения лица. Пусть порадуется парень. Старался все-таки. Она приняла из рук мичмана сверток, наклонилась к нему и втянула носом чудесный аромат.

– Ой, как пахнет... Саша, – девушка распахнула глаза пошире и уставилась на кока, – а что это?

– Шарлотка. – Он приосанился, задрал нос и пояснил. – Не поверишь, вот самому захотелось, страсть как. Пока матросня «взлетку» драила, накрутил тесто, яблок нарезал и вот... – Он аккуратно развернул сверток, обнажая румяную корочку пирога. – Смотри, какой! Как дома.

Касаткина вдруг отстранилась.

– А ты чего же мне его весть припер, глупый? Я же просто перекусить... Куда мне столько?

– Да мне не жалко! – Парень засмутился и даже побагровел лицом.

– Ну, уж нет! – запротестовала Касаткина. – Ты себе пёк, а мне и кусочка хватит. Тащи нож.

– Варвара Сергеевна, – замялся, было, парень, – ну не обижайте, я себе еще испеку. А это вам. – Эти его переходы с «ты» на «вы», всегда казались Касаткиной до безобразия милыми. – Возьмите, – продолжал умолять парень, – мне очень приятно будет. А потом, скажете, как вышло.

Касаткина лукаво посмотрела парню в глаза, глупо, по-девичьи хихикнула и сдалась.

– Еще чего, потом... – она отломала добротный кусок от пирога руками, и тут же запихнула его себе в рот. – Я тебе прямо сейчас скажу, – с набитым ртом пробубнила она, – пирог – что надо!

Счастью кока, казалось, не было предела. Он расплылся в еще более глупой улыбке, радостно, совсем по-детски наблюдая, как красивая девушка уплетает за обе щеки его творение.

– Вкусно?

– Не то слово, Саш! Ты просто чудо! Спасибо – не дал девушке погибнуть голодной смертью.

Касаткина проглотила кусок, улыбнулась коку еще раз и, послав парню на прощание воздушный поцелуй, убралась из варочного цеха.

«И вовсе мне не стыдно, – подумала Касаткина, минуя транзитом холодный коридор продсклада. – Парням на службе и без того несладко. Пусть хоть капельку эмоций получают. От меня не убудет, лишний раз улыбнуться, а им приятно».

Так, держа в руках сверток с пирогом, Касаткина добралась до своей цели. Медицинский отсек был на крейсере помещением обособленным. В отличие от большинства проходных отсеков, медицинский, как впрочем, и реакторный, и моторный отсеки, был изолирован и имел лишь один вход. Он также оснащался собственными замкнутыми системами водоснабжения и вентиляции. Такая компоновка отсека позволяла в кратчайшие сроки изолировать его от остальных помещений крейсера, что в свою очередь было продиктовано санитарно-эпидемиологическим режимом. Кто знает, какие инфекции могут вспыхнуть на корабле в боевом походе?

Несмотря на поздний час, в медицинском отсеке также встречались бодрствующие люди. Первой на пути Касаткиной повстречалась медсестра. В последние недели Варвара часто посещала лазарет и уже довольно хорошо знала персонал. В частности, сейчас на дежурстве была Лена, девушка нелюдимая и до безобразия хамоватая. Было ли такое поведение медсестры продиктовано последними событиями или же такой Лена была всегда, Касаткина не знала, но девушку эту как-то сразу невзлюбила. Допустим, как и все девушки на крейсере, (да и чего греха таить, как и некоторые молодые парни), эта медсестра пострадала от сексуальных домогательств со стороны спятившей команды. До какой степени она пострадала, никто, разумеется, не знал – о таких вещах предпочитали не говорить, но факт оставался фактом – все девушки на корабле, так или иначе, стали жертвами домогательств. Но и она, Варвара Касаткина, тоже пострадала! Это же не сделало из нее полную суку! Или сделало? В общем, девушки как-то сразу невзлюбили друг друга. Касаткину спасало лишь ее особое положение на крейсере. Звание научного сотрудника давало всяко больше привилегий, нежели должность медсестры. Может, потому Лена и говнилась, кто знает?

Под эти мысли, Варвара прошла мимо сестринского поста и кивнула заспанной медсестре. Та встрепенулась, при виде научника и встала.

– Вы чего так поздно? – безо всякого приветствия накинулась на Касаткину Лена.

– Не спится.

– И что? – девушка смотрела на Касаткину с вызовом. Ее появление в столь поздний час, да еще и в ее дежурство, явно медсестре не нравилось.

– Вот, – Варвара протянула руку со свертком, – обещала задержанному презент. Исполняю обещание.

Медсестра Лена демонстративно поглядела на настенные часы и перегородила собой проход в изолятор.

– И что, до утра это никак не ждет? Вы же в курсе, что часы посещения...

– Мне плевать на часы посещения. – Холодно оборвала хамку Касаткина. Она терпеть не могла такого к себе отношения. – Вы в курсе распоряжения капитана Кольского. Я имею право работать с задержанным тогда, когда посчитаю нужным. Сегодня мне нужно оценить его когнитивные способности в разные фазы сна.

Медсестра знала о распоряжении начальства, а потому нехотя уступила дорогу. Проводив Касаткину ненавидящим взглядом, она прошипела ей вслед:

– О вашем визите будет доложено начмеду.

– Да хоть президенту докладывайте по дальней связи... – буркнула в ответ Касаткина, даже не оборачиваясь. Понаберут же по объявлению!

Выйдя из этой скромной перепалки победительницей, Касаткина гордо прошествовала к отсеку с изоляторами. Открыла переборку, вошла в хорошо освещенное помещение и первым делом наткнулась на вооруженного матроса из числа приставленных к задержанному охранников. Матрос, естественно дремал, но успел проснуться от звука открываемой переборки и даже встать по стойке смирно. Убедившись, что к нему пожаловало гражданское лицо, он

расслабился и кивком поприветствовал Касаткину. Касаткина тоже кивнула охраннику и спросила, переводя взгляд на дверь одной из палат:

– Спит?

– Вы же сами знаете, – подавляя зевок, ответил матрос, – он никогда не спит.

Варвара кивнула и даже слегка улыбнулась матросу.

– Ну, ты же понял, о чем я...

– Да понял, понял. Не спит он. Лежит на спине, как всегда. Глаза открыты, как всегда. За последние... – он поглядел на наручные часы, – ...два часа не двигался.

– Значит, отдыхает. Это мне и нужно было знать. – Касаткина кивнула на электронный замок. – Открывай.

– Простите, – строго ответил матрос, красноречиво покосившись на сверток в руках Касаткиной, – с посторонними предметами не положено.

– Это простой пирог. Кормить же парня не запрещено.

– Все равно не положено! – заупрямился матрос. – Распоряжение...

– Да знаю я все распоряжения. Мне нужно втереться к нему в доверие, я должна его разговорить как-то, раз уж офицерам юстиции не удалось.

– А что, до утра это никак не подождет?

– Вы тут все сговорились что ли? – вышла из себя Касаткина. – Я, как и вы, человек подневольный. У меня есть четкий приказ – работать с этим... – тут она немного запнулась. Варвара и сама еще не знала, как лучше называть задержанного. Она определилась на автомате, не потому, что приняла взвешенное решение, нет. Она просто доверилась интуиции. – ... с этим человеком. И у меня возникла идея поговорить с ним именно ночью. Поработать с его фазами сна.

– Так он же не спит!

– Не спит, как мы, – поправила матроса Касаткина. – Энцефалограммы показывают, что его мозг все же меняет ритмы, сообразно нашим привычным фазам сна. То, что он при этом глаза не закрывает, уже частности. Так, служивый, не выводи меня из себя, открывай, быстро! Иначе утром придется объясняться с капитаном.

Для пушей убедительности Касаткина притопнула маленькой ножкой и состряпала, как ей казалось, максимально суровую гримасу на лице. Такие вот маски она придумывала и репетировала заранее перед зеркалом, поскольку знала, что обладает кукольной внешностью, из-за которой никто толком не воспринимает ее всерьез. Не всегда, разумеется, эти меры помогали Касаткиной, но сейчас ее напускная суровость, кажется, сработала. Матрос заколебался.

– Но я должен хотя бы проверить, что там у вас.

– Господи! – Касаткина картинно закатила глаза, развернула пирог, отломила от него добротный кусок и протянула его матросу. – На, пробуй, вымогатель, шарлотка это.

От угощения матрос, естественно, не отказался. За весь полет он так и не удосужился завести полезных знакомств на камбузе. Приходилось довольствоваться уставной пищей, а она, хоть и была отменного качества, все же преследовала одну единственную цель – удовлетворить суточную потребность организма космонавта в белках, жирах, углеводах и незаменимых микроэлементах. При таких вводных, пище достаточно было быть просто пищей. Чаще всего это были гомогенизированные смеси, которые изредка заменялись каким-либо «твердым» продуктом из разряда запеканки или омлета. «Чтобы не забыть, как жевать» – шутили матросы и давились очередным несъедобным подобием пудинга.

Простым смертным банальная жареная с луком картошка (а на продскладе «Прорыва» имелись и такие продукты), после двух-трех месяцев полета могла показаться пищей богов. Чего уж говорить о таком изысканном блюде из натуральной муки, яиц и яблок, как шарлотка. Касаткина все эти нюансы знала заранее, и весь разыгранный ею спектакль, был направлен именно на такой исход.

«Кушай, кушай, мальчик, – удовлетворенно думала Касаткина, глядя, как матрос не мешкая ни секунды, запихал кусок предложенного пирога себе в рот. – Спать крепче будешь».

Минутой ранее, еще до того, как вступить на порог медсанчасти, она вколола в тот самый кусок пирога снотворное, коим разжилась еще два месяца назад. Первые дни после массового психоза, она могла спать только так, а потому майор Ратушняк, начальник медслужбы, регулярно выдавал ей препарат «под роспись», даже не подумав, что девушка задумает попридержать излишки до лучших времен. И вот, эти самые «лучшие времена» для Касаткиной настали. Ей позарез нужно было поговорить с пленником тет-а-тет, без посторонних ушей. А для этого ей нужно было устранить охранника. Именно поэтому, пирог, приготовленный, золотыми руками кока Саши, оказался сегодня, как нельзя кстати.

Касаткина смотрела на жующего матроса и буквально каждой клеточкой своего тела ощущала чувство стыда. Её первоначальный план подразумевал именно нападение на матроса исподтишка и оглушение стазером.

Глава 2

По камере пронесся легкий мелодичный звук – сигнал разблокировки дверей, к которому Роман уже успел привыкнуть. Следом, с тихим шелестом, открылась и сама дверь. Кто-то вошел в камеру. Автоматически зажегся не яркий свет – на борту земного звездолета, судя по всему, уже царилась ночь, но Роману все же пришлось зажмуриться.

– Это я. – Прозвучал знакомый женский голос, после чего дверь за визитером закрылась. Повторный мелодичный звук возвестил о срабатывании замка.

Роман медленно перевел взгляд на вошедшую девушку. Секунд десять он потратил на то, чтобы сориентироваться. Переход от сна к бодрствованию обычно столько и занимал. Роман не знал, как спят обычные люди, но подозревал, что им на пробуждение требуется гораздо больше времени. Эта его привычка, спать с открытыми глазами, удивляла землян. Для Романа же в этом не было ничего необычного. Попробуй тут закрыть глаза, когда твои веки парят вместе с кожей в метре от глаз. Не была исключением и Варвара Сергеевна Касаткина – доктор наук, физиолог, лингвист и, по совместительству, научный руководитель полета на «Прорыве». Она тоже удивлялась такой особенности сна Романа.

С Касаткиной Роман познакомился, относительно, недавно, однако успел уже привыкнуть к ее ежедневным визитам. Эта молодая женщина довольно быстро втерлась к Роману в доверие. Они часто и подолгу беседовали, порой обстоятельно и продуктивно. Похожие беседы с Романом часто проводила мать, еще до своего перерождения. Правда, в отличие от Касаткиной, Мирская называла такие беседы уроками жизни. Варвара Сергеевна же предпочитала другое название – их беседы она называла «продуктивным контактом». Бывало и так, что говорили они часами практически ни о чем и эти беседы для Варвары Сергеевны были важны не меньше тех, в которых она узнавала от Романа подробности его пребывания на «Юкко». Бывали и такие дни, когда Роману было необходимо побыть одному и подумать над тем или иным вопросом. В такие дни их беседы не клеились, Роман отмалчивался, а Касаткина обзывала беседу «непродуктивной», цокала языком, качала головой, что-то записывала в свой планшет и удалялась.

Эта девушка была... (Тут Романа подводили пробелы в социализации, он не знал, как именно охарактеризовать качества своей новой знакомицы) ... она была другой. Именно другой, никак иначе объяснить то чувство, которое Роман испытывал в ее присутствии было нельзя. Она выгодно отличалась от тех людей, с которыми Роман общался сразу после эвакуации с «Осириса». Хотя, эвакуацией это мероприятие можно было назвать лишь с большой натяжкой, скорее это был штурм с последующим пленением.

Людей штурмовавших пустой «Осирис» Роман охарактеризовал как жестоких и грубых. Поначалу он даже решил, что все люди таковы. Однако дальнейшие события показали, что он ошибался – бывают люди и похуже. Был даже момент, когда Роману пришлось бороться с собой – не так он представлял себе людей. Тех самых людей, чьей представительницей была его мать, тех самых людей, к которым она стремилась вернуться, людей, к которым она причисляла и его самого. В какой-то момент Роману даже пришла в голову мысль, а не поспешил ли он с выбором стороны. Может, все же стоило прислушаться к матери-ваэрру? Может, в новой своей ипостаси Валерии открылось то, чего Роману, да и ей самой раньше было не видно? Надежду на то, что он может заблуждаться, принесло именно знакомство с Касаткиной.

До нее с ним общались разные люди. В основном военные – Роман понял это по их унифицированной форме. Те же из них, кто форму не носил, были одеты в унифицированные гражданские костюмы, наподобие тех, какие носили члены экипажа «Марка-10». Подобный костюм носила и его мать. Однако и они вели и держали себя так, как делали это военные. Общались они с Романом сухо, больше спрашивали, а точнее, допрашивали. Было чувство,

что они боятся Романа, или как минимум крепко ему не доверяют. А как иначе объяснить то, что они раз за разом задавали ему одни и те же вопросы?

До знакомства с Касаткиной, Роман успел испытать на себе все виды и формы допросов. Были и перекрестные допросы, и допросы с пристрастием. Бывало, что многочасовые беседы резко прекращались и о Романа, словно забывали. Он мог провести в полной изоляции несколько дней без еды и питья и лишь, когда его организм начинал давать ощутимые сбои, эти допросы продолжались с удвоенной силой. Особенно сложными для него были ночные допросы, когда дознаватели часами задавали одни и те же вопросы в разных вариациях, постоянно сменяя друг друга. Днем же при этом, спать Роману не позволяли, таская его на всевозможные тесты и проверки. Когда оных не проводилось, сон отгоняли громкими звуками, понижением температуры воздуха в каюте и постоянным мерцанием света.

Чего именно таким образом добивались люди, Роман не понимал. Возможно, они ждали его прокола, искали, нет, даже не искали, они жаждали уловить в его ответах несоответствия и алогичность. Хотели поймать его на расхождении в ответах, на нестыковках в мелочах. Но Роман такой радости им не доставил. Раз за разом он отвечал на все вопросы одинаково, так и не дав ни единой осечки. Это обстоятельство, однако, не принесло ему никаких дивидендов. Скорее даже наоборот. Его ответы не устраивали дознавателей. Они не вписывались в их картину мира, в их интерпретацию того, что именно происходило на «Осирисе-3» после визита на него членов экипажа «Марк-10». Его упорное отрицание причастности к гибели этих людей их раздражало. Раз за разом они предъявляли ему обвинения, приправляя их все новыми и новыми предположениями о том, как именно он убивал тех людей, чьи трупы были обнаружены в одной из секционных «Осириса-3». Дознаватели пытались оперировать фактами, давили на его биологическую программу, мол, Романа кто-то запрограммировал на убийства, но он с легкостью разбивал все эти бредовые теории, своей правдой. Романа даже пытались запугать нейроинтерфейсом «Осириса-3», дескать, вот-вот им удастся подключиться к ИИ звездолета и уж тогда они смогут восстановить всю картину целиком. Роман же знал, что это блеф. Никаких логов в главном компьютере «Осириса» не сохранилось, это раз. И второе – даже если им и удалось бы провернуть такое, ничего они там не нашли бы, поскольку Роман рассказал всю правду.

Не приносили дознавателям плодов и различные ухищрения из ряда препаратов, которыми его пичкали, не помогала и аппаратура, к которой его подключали. Раз за разом, от вопроса к вопросу, все указывало на то, что Роман говорит правду. Проблема была в том, что доказать свои слова он никак не мог. Он и рад был бы предоставить людям хоть какие-то вещественные доказательства, скажем, дневник Валерии Мирской, в который она скрупулезно записывала все, что с ней происходило на «Юкко». Это бы существенно облегчило всем жизнь, ведь мать вела этот дневник несколько лет подряд, вплоть до своего полного перерождения. В этом дневнике хранилась вся информация о «Юкко» и ваэррах. Послужило бы доказательством и тело расчлененного ваэрра в первой секционной «Осириса». Однако тело ваэрра они с Валерией утилизировали сразу после того, как она полностью изучила и законспектировала свои наблюдения, а дневник, судя по всему, убыл к Земле вместе с его владелицей на «Юкко».

По сути, людей можно было понять. Все, что они увидели на «Осирисе-3» выглядело в крайней степени подозрительным. Пустой корабль без воды и других припасов, стертые данные жестких дисков, уничтоженные логи искина, полуживой репликант на капитанском мостике, а в довесок куча человеческих трупов в одной из секционных комнат. Против всего этого многообразия обличающих фактов Роман мог противопоставить лишь свое слово и только. Откровенно говоря, он и сам бы не поверил себе, окажись на месте капитана «Прорыва».

– Его рассказ – полный бред, однако, он верит в то, о чем говорит! – уверенно сказал однажды один из дознавателей, позже Роман узнал, что это был старший помощник командира «Прорыва». – Но это не означает, что его слова целиком и полностью – правда!

Разговаривал с Романом и сам командир крейсера Кольский. Долго говорил, обстоятельно, однако остался при своем мнении:

– Старпом прав, этот парень говорит то, во что верит, но кто вложил ему эти слова в голову – уже не понятно.

Ни капитан, ни его подчиненные в рассказ Романа о Валерии Мирской, единственной выжившей из экипажа «Марка-10», о ваэррах и их корабле «Юкко» не верили. Не верили они и в то, что ваэрры расчленили Романа, разобрали на органы и системы, а после вновь собрали. Поверить в такие технологии было просто не под силу слабым в техническом отношении людям. Они были уверены, что трупы на «Осирисе» дело именно его рук. Их даже не смущало отсутствие на Осирисе тела Валерии Мирской, Сергея Вершинина и Виктора Медведа. Роман рассказал все, о чем знал со слов матери, однако ему не верили и день ото дня требовали открыть правду – где он спрятал остальные тела.

Забавно, что свои догадки и предположения они не стеснялись озвучивать в присутствии самого Романа. Складывалось впечатление, что они и не пытались скрыть своего отношения к нему. Именно тогда Роман понял простую истину – живым они его не собираются оставлять. А раз так, чего таиться тогда, чего стесняться? Разве перед боем птиц на птицеферме будут ломать комедию?

В своих догадках и рассуждениях они изгалялись, кто во что горазд. Апогеем этого цирка было предположение командира связистов о том, что пропавшие тела Роман попросту съел, когда на «Осирисе» закончились все припасы. И это при условии, что к моменту их прибытия на «Осирисе» было еще предостаточно съестных припасов. Складывалось впечатление, что истина их не устраивает, поскольку она шла вразрез с тем, что видели на «Осирисе» они. Свою же правду, военные пытались подогнать под известные им обстоятельства. Но все их попытки натянуть «сову на глобус» (эта идиома прозвучала из уст офицера, которого капитан звал по фамилии Павленко, и очень понравилась Роману) разбивались в пух и прах о факт присутствия в заданном секторе «Юкко» – корабля ваэрров. Все упиралось в то, что этот самый корабль видел лишь один из членов экипажа – тот самый Павленко. Но ни капитан, ни другие офицеры странному и молчаливому офицеру, по какой-то причине тоже не доверяли. Единственный вывод, который смог сделать Роман, напрашивался сам собой – видимо, ваэрры крепко поработали над сознанием людей на «Прорыве», прежде чем покинуть эту часть космического пространства. Бедные земляне сами себе не верили.

Так или иначе, из всех этих допросов Роман понял одно – они все явно боялись чего-то. Или кого-то. И тут Роман с офицерами «Прорыва» был солидарен. Скорее даже они мало боялись того, с чем столкнулись. Если продолжить уже озвученную ранее аналогию, курицами на бойне были они, а не он. Причем, все они – всё человечество.

На вопросы самого Романа офицеры «Прорыва» отвечали неохотно, а ответы их были скудными и однообразными. Чаще всего они ставили Романа на место сухими отговорками из ряда: «тебя это не должно волновать», или «тебя это не касается», или даже «репликантам не положено то-то и то-то». Так что о том, где он оказался, что это за корабль, кто все эти люди Роман узнал уже от Варвары Сергеевны. Она же открыла ему глаза и на то, что не все люди одинаковы. Если военные и дознаватели относились к Роману, как к вещи, особо и не скрывая своего отношения к репликантам в целом и к нему в частности, то общение с этой девушкой позволило пленнику почувствовать то, в чем его всю жизнь убеждала мать – он все же человек. Во всяком случае, в глазах Варвары Сергеевны был человеком. Военные же и после ее вмешательства продолжали обходиться с Романом, как с предметом неодушевленным.

– Я принесла тебе пирог, – тихо сказала девушка, безо всякой опаски присев на край кровати Романа, – ты знаешь, что такое пирог?

Роман приподнялся на локтях и медленно кивнул, мать однажды знакомила его с этим продуктом. Яйца, мука, вода, фрукты, сахар. Все эти продукты на Осирисе имелись первое

время. Она испекла пирог в его первый день рождения. Правда, вместо живых фруктов в том пироге был джем из тюбика. Да, Роман знал, что такое пирог. Ему это лакомство показалось просто вкусным, но для Валерии, оно было синонимом слова «дом». Пирог для нее был чем-то земным, чем-то теплым, практически интимным. Его пекли и делили с теми, кого любят. Роман же тогда не имел достаточного эмпирического опыта, чтобы оценить уровень символизма, который вкладывала в свой пирог его мать.

– Тебе, должно быть, Валерия Мирская рассказывала... – догадалась Касаткина и развернула сверток. Помещение тут же наполнилось чудесным ароматом, вызывая в памяти Романа чувство тоски по матери. Он вновь улегся на кровать, отвернулся от Касаткиной и поджал ноги к груди. Теперь он понимал Валерию.

– Роман, я чем-то обидела тебя? – осторожно поинтересовалась девушка.

Варвара Сергеевна всегда была обходительной и деликатной. Роману сейчас было нелегко отталкивать ее. Однако он понимал, что вся эта обходительность могла быть нечем иным, как попыткой капитана и других офицеров, вызвать его на откровенность. Тактика до безобразия простая и в отношении простых людей, должно быть, очень действенная. Жмешь подозреваемого, давишь его, ломаешь через колено, а когда понимаешь, что подозреваемый не колется, резко меняешь подход и подсылаешь к нему того, чьи методы будут в корне отличаться от методов жестоких дознавателей. Не всякая психика выдержит такого контраста. Роман тоже не выдержал и поначалу даже вновь начал разговаривать. Однако, вопросы, которые задавала Варвара Сергеевна, слишком уж напоминали те, которые задавали ему военные. В итоге, Роман понял, что Касаткина играет роль. Возможно, она и отличается от своих предшественников, но цели у них всех одни – добиться от Романа признания в том, чего он не совершал.

Самым обидным было то, что людей на «Прорыве» интересовали вещи, по сути, уже не существенные. Какая, к примеру, разница, кто убил астронавтов с «Марка-10»? Съел их роман или расчленил и выбросил останки в открытый космос? Они уже были мертвы, и это было не исправить. Куда важнее было начать действовать, попытаться спасти тех, кого еще можно было спасти. И первое время Роман честно пытался донести эту простую мысль до капитана и его церберов. Он просил, умолял дать ему возможность связаться с Землей. Но на все его просьбы он получал либо отказ, либо откровенные насмешки.

– Мы тебе дальнюю связь организуем, потратим на сеанс бесценную энергию, а ты своим новым друзьям все наши карты выдашь? – Сказал как-то капитан Кольский. – Не бывать этому, дружок. Ты нам и без дальней связи крови попортил, будь здоров.

Как именно Роман попортил капитану кровь, ему, разумеется, не сказали. Самого же Романа, такая упертость и слепая ненависть к нему просто выводила из себя. Он, по сути, единственный, кто мог бы помешать ваэррам уничтожить человечество. Он и только он один знал рецепт спасения. Но для этого нужно было действовать, причем, действовать немедленно. Нужна была связь. Нужно было восстанавливать корабль и лететь обратно. Нужно было...

Роман глубоко вздохнул и медленно выдохнул, стараясь успокоиться. Он уже столько раз говорил этим глупым землянам, что нужно сделать. Столько раз упрашивал не мешкать. Они же уперлись в этот чертов маяк, оставленный ваэррами. Что им с того маяка? Они ни захватить его, ни тем более уничтожить все одно не смогут. Не сейчас, не при текущем уровне развития технологий. Помешать ваэррам можно было только так, как завещала его мать. Только она знала истинную суть ваэрров, знала их план. Ради этой информации она пожертвовала всем, собственной жизнью пожертвовала. Разве не было логично, что ей и карты в руки? Мирская уже все просчитала, все продумала за них. Нужно было только послушать ее и сделать все в точности, как завещано.

– О чем ты сейчас думаешь? – тихо спросила Варвара Сергеевна. Свой сверток она положила на маленький столик, вмонтированный в пол.

Роман ничего ей не ответил. Какой был смысл в диалоге немом с глухим? Роман уже все им сказал, но то ли он не мог до них докричаться, то ли они его не слышали. А может и то и другое.

– Не закрывайся от меня, Роман, – попросила девушка. – Я не враг тебе.

– Как и я вам. – Спокойно ответил Роман, не оборачиваясь.

Девушка вдруг встала и подошла к двери. На минуту она затихла, словно прислушиваясь, затем Роман услышал, как она набирает код на двери. Та с легким шипением отворилась. Роман даже решил, что девушку обидело его поведение, но Варвара Сергеевна не ушла, она лишь выглянула на секунду в коридор и вновь зашла в камеру, не забыв запереть за собой дверь и выключить свет. Секунда и девушка уже была в считанных сантиметрах от головы Романа.

– Слушай внимательно, – быстро зашептали ее губы прямо над его ухом. – У нас очень мало времени. Я пришла, чтобы предупредить тебя. Мы тебе верим. Я и Павленко. Ты же знаешь Павленко? Офицер БЧ-5, странный такой, чудаковатый тип. – Роман был заинтригован таким оборотом вещей и кивнул. – Отлично. Послезавтра перед отбоем, он поведет тебя на допрос. Не сопротивляйся, не говори ничего. Тебя будут обследовать в специальном аппарате, но машина эта будет отключена. Твоя задача изобразить глубокий обморок. Затем тебя на каталке увезут и доставят в рубку связи, где ты сможешь осуществить задуманное. Детали плана могут еще поменяться, запомни лишь одно, послезавтра Павленко тебе поможет.

Роман, наконец, обернулся и с удивленным видом уставился на взволнованную Касаткину. В каюте было предостаточно маленьких источников света, чтобы Роман мог ориентироваться. Зрение Касаткиной не было приспособлено к таким условиям. Она лишь слепо шарила в пустоте широко раскрытыми глазами, пытаясь разглядеть лицо Романа.

– Почему вы мне это говорите? Это какая-то проверка? Провокация?

– Нет же, глупый! – закатила глаза девушка. – Просто на этом корабле есть еще люди, мыслящие рационально. Павленко не желает мириться с тем, что его за дурака держат. Он уверен в том, что видел тот корабль. Логику тоже никто не отменял – что-то же манипулировало «Прорывом», кто-то же заставил экипаж свихнуться! Я, Павленко и еще несколько офицеров верят тебе. Проблема лишь в том, что нас очень мало, и среди нас нет никого старше командира боевой части. Труднее всего будет подгадать время, когда командир и старпом будут отсутствовать на мостике, а начальник медицинской службы окажется не на своем рабочем месте. Но мы что-нибудь придумаем. Ты понял меня?

Испуганный Роман, молча, кивнул, забыв, что Варвара Сергеевна его не видит. Он не до конца осознал, что именно происходит, но чувствовал, что Касаткина говорила ему правду. Не мог человек лгать так искусно, невозможно было такое сыграть! Или все-таки возможно?

– Отлично. – Прошептала Касаткина. – И еще, кроме системы дальней связи, тебе что-нибудь понадобится?

Роман задумался и вновь кивнул – ему действительно кое-что было необходимо. На этот раз Касаткина разглядела этот жест – видимо, ее глаза уже адаптировались к темноте.

– Что именно тебе понадобится?

– Личная вещь моей матери. Любая. Лучше что-нибудь интимное, зубная щетка или расческа. Если добудете ее волос, будет просто замечательно.

Касаткина на секунду задумалась.

– Понятия не имею, что именно ты задумал, но я постараюсь раздобыть то, что ты просишь. Что-нибудь еще?

– Нет. Больше мне ничего не нужно.

– Ты посвятишь меня в то, что задумал?

Роман пристально посмотрел в глаза Касаткиной. Вот оно, весь этот спектакль был посвящен тому, чтобы разгадать его «злодейский» план. Они решили разыграть условный побег и вынудить его рассказать, что именно он хочет передать на Землю. Что именно и кому. Хотя,

после его просьбы добыть что-то личное из вещей Валерии Мирской, они уже могут догадываться о том, с кем именно он хочет связаться. А если учесть факт, что он уже рассказал им, в кого превратилась Мирская, они со стопроцентной вероятностью не дадут ему реального шанса связаться с Землей.

«Они явно держат меня за идиота! – подумал Роман, но постарался никак не показать своего возмущения. Вместо этого он решил подыграть девушке и посмотреть, на каком именно этапе его остановят. – Что же, давайте поиграем».

– О том, с кем я хочу связаться и каким образом, я сообщу вам и офицеру Павленко, лишь когда в моих руках окажется голограмма системы дальней связи, подключенная к системе питания.

Роман думал, что Касаткина начнет сейчас убеждать его рассказать все немедленно, но ошибся. Вместо этого она кивнула, сунула ему в руки сверток с пирогом и быстро покинула его камеру.

– Поешь пирог, – шепнула она на прощание, – он действительно вкусный.

Свет погас, Роман остался в камере один.

И что это сейчас было? Что ему теперь делать? Парень нащупал на столике сверток и отломил кусок пирога.

«Послезавтра. Все решится само собой послезавтра».

Глава 3

Дмитрий Павленко, тем временем, размышлял над смыслом такого понятия, как выбор. Жизнь, рассуждал он, по сути, есть череда событий, в которых нам приходится делать тот или иной выбор. И не всегда от правильности выбора зависит то, как сложится именно твоя судьба. Зачастую выбор влияет и на других людей. От выбора, который предстояло сделать Дмитрию, похоже, зависела не только его судьба, но и судьба всего человечества. Но об этом позже.

Вопреки обыкновению, сейчас Павленко находился в своей каюте. А где, собственно, быть командиру БЧ-5, (главному мотористу, если говорить обывательски), когда на корабле не фурычит ни один двигатель? Да и не в двигателях была основная проблема. Помимо двигателей из-за этого чертового амальгита (будь он неладен) из строя вышли оба реактора. А нет реакторов, нет и энергии. Резервы таяли на глазах, а на пятки наступали китайцы. Да уж, ситуация...

В общем, положение «Прорыва» виделось командиру БЧ-5 плачевным. Хотя, если уж откровенно, слово «плачевный» здесь было не совсем уместно. Оно не отображало всей глубины, всей сложности положения. Очень хотелось охарактеризовать ситуацию несколькими исконно русскими эпитетами. От этого Павленко удерживало воспитание и, как ни странно, интрига.

Если с воспитанием было все ясно – Павленко действительно был за чистоту русского языка и практически не употреблял бранных слов, то интрига была куда более серьезным фактором. Впервые в своей жизни он и его команда физиков-ядерщиков столкнулись с ситуацией, при которой была не ясна сама физика сбоя в работе энергосистемы крейсера. Слава богу проблему обнаружили, и довольно быстро. Вся интрига состояла в том, смогут ли они выйти из ситуации, найдут ли способ нейтрализации амальгита, блокирующего работу реакторов. Даже не так – есть ли этот способ, вот в чем была главная интрига.

После Академии, будучи молодым лейтенантом, Павленко не раз участвовал в испытаниях различных прототипов космических двигателей на Земле – с этого, собственно, и началась его карьера в космическом флоте Федерации. В рекордные для службы на Земле сроки он дослужился до капитан-лейтенанта, после чего получил назначение на экспериментальную орбитальную верфь, где присоединился к работе над перспективными реакторами для ВКС. До перевода на «Прорыв» он пять лет руководил запусками новейших реакторов на гражданских судах и военных космических кораблях различных классов, а после еще три года занимался отладкой не менее десятка их модификаций. Параллельно Павленко участвовал в разработке новейших гравитационных двигателей в столичном НИИ Перспективных Движителей. В общем, несмотря на молодость, специалистом Дмитрий Павленко был отменным, и опыта ему было не занимать.

Естественно, в своей работе и ему, и его команде приходилось сталкиваться с поломками и авариями. Были в его послужном списке и случаи со сбросом стержней, и неконтролируемое расщепление вещества, и еще с десятков различных внештатных ситуаций и сбоев. Но все эти ситуации объединяло одно обстоятельство – при должном подходе к проблеме, при грамотном сборе данных, при использовании всех систем контроля и слежения, говоря иначе, при использовании всех доступных современной науке способов диагностики найти источник проблемы и устранить его, было делом техники.

И вот, два месяца назад Павленко и его команда столкнулись с проблемой, у которой, казалось, не было решения. Было абсолютно непонятно, с чем именно они имеют дело, откуда ноги растут и с чего начинать поиски. От абсурдности ситуации, от ее идиотизма у Дмитрия голова шла кругом. Он понятия не имел, что мешает исправной с виду энергосистеме «Прорыва» работать в штатном режиме. Реакторы наличествовали, топливо в активной зоне никуда не делось, стержни-поглоатели в конструкции присутствовали, более того, все системы

диагностики выдавали информацию о том, что реакторы целы, невредимы и готовы к работе. Однако по какой-то причине реакции расщепления в реакторе не протекали. Искин «Прорыва» оказался в этой ситуации беспомощен, и помочь людям ничем не мог. ИИ, казалось, искренне недоумевал, почему людям просто не включить реакторы? И вообще, ИИ «Прорыва» вел себя в последнее время как-то странно. У него появились трудности с восприятием простой логики. К примеру, когда Павленко или кто другой сообщали ему, что реакторы заглушены, он запускал диагностику систем и вновь выдавал свой однозначный вердикт – все в порядке, все работает, хотя было очевидно, что никаких процессов расщепления в рабочей зоне реакторов не протекает, турбины не работают, а энергия не генерируется. Складывалось впечатление, что наряду с членами экипажа, искин крейсера также пострадал от массового психоза. После выяснения этого обстоятельства, капитан Кольский вообще приказал деактивировать бесполезный ИИ корабля и заняться поиском проблемы вручную.

В то, что сразу два независимых ядерных реактора на корабле могли взять и выключиться, как, скажем, лампочка или чайник, поверить было просто невозможно – слишком уж сложной была эта техника. Но факт оставался фактом – все было исправно, все работало, но при этом ничего не запускалось, и (простите уж за тавтологию) ничего не работало. Да-да, именно так – все работало, но ничего не работало! Абсурд!

Павленко раз за разом мысленно возвращался к тому дню, когда экипажу удалось вернуть контроль над собой и крейсером. Он мог с точностью до минуты воспроизвести те события, которые привели экипаж к осознанию угрозы, нависшей над миссией.

Первыми шагами капитана Кольского после исчезновения «шара», было восстановление порядка и единоначалия на корабле. На это ушло целых два дня. Павленко до сих пор с содроганием вспоминал тот ужас, который открылся ему и всему экипажу после прекращения воздействия на них психотропного оружия. Именно так между собой называли случившееся офицеры «Прорыва». Сомнений не было, на крейсер напали. Кто, как – это уже было делом вторым, главное было восстановить порядок, оказать помощь пострадавшим и позаботиться о погибших.

В первые же минуты после исчезновения «шара» Дмитрию стало очевидно, что экипаж «Прорыва» все это время находился под чудовищным гнетом какого-то воздействия извне. Причем до этого момента, никто этого давления не замечал. Складывалось впечатление, что воздействие на психику появилось не вдруг, а нарастало постепенно, осторожно и планомерно усиливаясь, от часа к часу, изо дня в день. Такой плавный переход от адекватности к безумию мог заметить лишь очень уравновешенный человек, с развитой самокритикой. Кто-то из офицеров на корабле понимал, что происходит, кто-то чувствовал, но не мог объяснить, но большая часть экипажа просто сошла с ума. Люди даже не заметили этого перехода от трезвости ума к безумию.

Павленко покинул свое убежище в смотровой рубке только после приказа капитана собраться на мостике всему офицерскому составу. По селектору голос Кольского звучал уверенным, а сам капитан, (если такое вообще возможно понять на слух), адекватным. Павленко решил тогда, что если уж даже капитан пришел в себя, (все прекрасно помнили, что эпидемия безумия началась именно с него), то вкупе с теми ощущениями, что испытывал сам Дмитрий, можно было сделать вывод о том, что самое страшное позади. Как же Павленко ошибался тогда.

Путь всего в несколько сотен метров от смотровой рубки до мостика, Павленко запомнит на всю оставшуюся жизнь. Погруженный в полумрак аварийного освещения, корабль был похож на пристанище призраков или на декорацию к фантастическому хоррор триллеру. Повсюду на полу лужи крови, перепачканные ею же переборки, кремальеры и даже потолки – как выяснилось позже, последствие резни, которую устроил один из коков простым кухонным ножом. На полу Павленко попадались отрубленные или отсеченные части тела, пальцы, кисти рук, какие-то внутренности. Попался даже раздавленный глаз – и это в относительно пустом

коридоре, ведущем к смотровой рубке. Картина жилого отсека, где в обычное время концентрировалась большая часть экипажа, была и вовсе ошеломляющей. Откуда-то доносился протяжный женский плач, из разных отсеков и помещений ему вторили стоны раненых, крики связанных по рукам и ногам людей, мольбы о помощи. С особо буйными психопатами, та часть экипажа, которая еще сохраняла крупницы разума, особо не церемонилась. Их либо устранили физически, зачастую, с той же жестокостью, с которой психопаты нападали на людей, либо вырубали и связывали. Сейчас же эти связанные люди молили о пощаде, просили развязать их и дать возможность, хоть как-то помочь раненым. Ужас положения был в том, что каждый из обезумевших, после возвращения контроля над собой, помнил о том, что и как творил. Освободить их, естественно, никто не спешил, опасаясь рецидива наведенного извне сумасшествия, или того хуже, уже реального безумия. Мало какая психика спокойно примет и перенесет тот факт, что еще пару часов назад, ты представлял собой грозного маньяка-убийцу или насильника.

Павленко то и дело натыкался на тела матросов, реже офицеров и гражданских. Погибших и раненых было много, очень много. Постепенно коридоры жилого отсека начали заполняться людьми. Находясь словно в бреду, озираясь по сторонам, пугаясь каждого шороха, по палубам и коридорам туда-сюда сновали растерянные люди. Весь корабль, казалось, одновременно пробудился от жуткого кошмара и не все еще верили, что страшный сон позади.

На полу возле камбуза Павленко наткнулся на полуголую девушку. Она недвижимо сидела, прислонившись спиной к переборке, и смотрела в одну точку. Лицо ее было в крови, один глаз полностью закрывала огромная гематома, во рту, кажется, не доставало зубов. Трусиков на ней не было, остатки формы свисали изодранными лоскутами, почти ничего не прикрывая. Павленко заметил кровь в промежности и жуткие синяки на бедрах девушки. В истерзанной жертве Дмитрий узнал штатного психолога. Она еще дышала, но никак не реагировала на обращенную к ней речь. Павленко поднял безвольное тело девушки на руки и отнес к медпункту. Долго стучал в закрытую гермодверь лазарета, звонил по внутренней связи, но ему никто не отвечал. Как оказалось, с началом беспорядков, начмед Ратушняк принял решение полностью изолировать медицинский отсек. Все то время, пока Павленко пытался докричаться до медиков, он думал о судьбе Варвары Касаткиной. Послушала она его или нет? Заперлась ли в своей каюте? Жива ли?

Наконец, дверь в медицинский отсек отворилась, и навстречу Павленко вышел майор Ратушняк собственной персоной. Выглядел офицер медслужбы не лучшим образом, однако, по его поведению уже чувствовалось – мужчина в себя пришел и начал действовать. Передав с рук на руки раненую девушку-психолога, Павленко краем глаза окинул вотчину Ратушняка. Картина не сильно отличалась от таковой в жилом отсеке. Раненые на полу, раненые в палатах. Кровь, кровь и еще раз кровь, она была практически везде. Санинструкторы и медсестры уже оказывали пострадавшим помощь, однако им, очевидно, не хватало рук.

– Я пришлю кого-нибудь из личного состава... – шепнул Ратушняку Павленко, понимая, что в первую очередь на корабле нужно оказать помощь пострадавшим. Майор Ратушняк только головой кивнул. Он медленно развернулся и унес пострадавшую девушку в недра лазарета. Павленко же отправился дальше.

Он понимал, что сию минуту его на мостике никто не ждет. Только сейчас Павленко понял, как сильно устал. Такую усталость в книгах описывают эпитетом – «смертельная». Была ли эта усталость следствием воздействия на его психику извне, или же он попросту не вывозил таких психологических нагрузок, он не знал. Единственное, чего он сейчас действительно хотел это уединения. Хотелось закрыться от всего мира и ни в чем не участвовать, никого не видеть, ни с кем не разговаривать. Да, ему повезло, и в физическом плане он не пострадал, но в голове творилось черте что.

Павленко резонно предположил, что если он сам находится в таком состоянии, должно быть, также себя чувствуют и другие офицеры. Кто-то наверняка получил ранения, возможно, кого-то уже и в живых нет. Остальные наверняка сами оказывали помощь своим подчиненным и организовывали работу по восстановлению порядка на корабле. У Павленко еще было время, и он решил навестить Варвару Касаткину. Девушка давно ему нравилась, скрывать от самого себя такое было уже бессмысленно. Кроме того, он помнил, какими глазами она смотрела на него после того, как он спас ее от того обезумевшего матроса. Павленко вдруг понял – она знает. Она все прочла в его глазах. Поняла, что именно он испытывал в тот жуткий момент. Знал это и он – Павленко. Знал и от того чувствовал себя еще хуже. Неужели он такой же, как эти... Он не знал, как назвать тех членов экипажа, которым не повезло поддаться искушению. Она испугалась его тогда и не факт, что ему когда-нибудь удастся вновь завоевать ее доверие.

Дмитрий был самокритичен и всегда старался искоренять свои слабости. А тут... Он остановился на месте, перевести дух. То, что с ним произошло, вернее даже не само помутнение рассудка, а осознание одного, испугало его. Он впервые понял, что не так силен, как считал раньше. Он понял, что сам себя боится, боится своих желаний, тайных желаний. Как жить теперь с этим знанием? Было чувство, что эта атака была направлена не столько на физическое устранение людей, сколько на подрыв их веры в самих себя. Сейчас Павленко отчетливо это понял. Понял и испугался своих желаний, непреодолимой волной захлестнувших его в тот страшный миг безумства.

Он вдруг ударил себя со всей силы по лицу. На мгновение в глазах потемнело, из разбитой губы опять пошла кровь. В данный момент на рефлексию и самоанализ времени нет, решил он, нужно действовать.

«Плевать, – подумал Дмитрий, – лишь бы она осталась невредима! Пусть не откроет мне дверь, пусть накричит, пусть хоть до конца дней своих боится и шарахается от одного моего вида, – он примет это и переживет, – лишь бы с ней ничего не случилось...»

До каюты Касаткиной он добрался в два счета и выдохнул с облегчением – дверь была заперта изнутри. Слава богу, есть шанс, что она уцелела! Дрожащей рукой, Дмитрий нажал кнопку селектора на замке:

– Варвара Сергеевна! – хриплым, дрожащим от волнения голосом произнес он, – вы целы?

Динамик молчал. Этого можно было ожидать. Касаткина могла не слышать обращения капитана. Или же она могла не поверить в то, что все кончено. В конце концов, она имела полное право сидеть сейчас в своей каюте, испытывая животный страх. Такая реакция была вполне оправданной в сложившихся обстоятельствах.

– Все кончено, Варвара... – в его горле пересохло, и отчество девушки он уже выдавливал через силу, – ...Сергеевна. – Получилось неуклюже, словно он не владел ни собой, ни своим голосом. Идиот, так он только напугает девушку еще больше. – Вы, можете не открывать. – Попытался исправить оплошность Павленко. – У себя вы в безопасности, Варвара. Просто дайте знать, что живы, что с вами все в порядке.

Тишина из динамика лилась еще с минуту. Все это время Дмитрий провел, прильнув ухом к запертой двери. Он и сам не знал, на что рассчитывал. Двери в каюты запирались герметично, ни единого звука он и не услышал бы. Однако, повинаясь инстинктам, он все же пытался услышать хоть какое-нибудь доказательство присутствия за дверью живого человека. Кроме того, селекторы были оборудованы видеосвязью. Если девушка жива, то наверняка видит его. Павленко представил себя со стороны и мысленно выругался:

«Ты же сейчас выглядишь, как маньяк заправский! Ничуть не лучше того матроса!»

Он отошел от двери, попытался привести выпачканную кровью форму в порядок и вновь зажал кнопку селектора:

– Просто отзовитесь, Варвара Сергеевна. Я понимаю, вам сейчас страшно. Дайте знать, что с вами все в порядке, и я уйду. Обещаю.

Он ждал еще долгих три минуты. Просто стоял и смотрел в глазок камеры. Наконец на селекторе зажегся зеленый огонек.

– Со мной все в порядке, Дмитрий.

Голос Касаткиной показался Павленко подавленным, но услышав его, офицер просиял. Лицо его исказилось какой-то страдальческой улыбкой. Только сейчас его отпустило по-настоящему.

«Она не пострадала, – вертелось в его голове. – Она жива и здорова!»

Он как-то глупо закивал и начал пятиться от двери, лицо его густо залила краска смущения. Пятился он до тех пор, пока не уперся спиной в стену.

«Жива, жива...»

Он еще раз кивнул в глазок, зачем-то сообщил вслух, что уходит, (хотя и знал, что девушка не слышит его, кнопку связи он не нажимал) и действительно ушел.

Павленко знал, что на мостике командир первым делом справится о состоянии энергосистемы корабля и мерах, принятых им согласно руководству по борьбе за живучесть (РБЖ). И раз уж с Варварой Сергеевной было все в порядке, Дмитрий поспешил к своему боевому посту. Пока шел к реакторному отсеку, Павленко пытался найти для самого себя оправдание, ведь первым делом долг и вышеупомянутое руководство (РБЖ) обязывали его возглавить эту самую борьбу за живучесть в своем отсеке. Павленко был обязан провести полную диагностику всех систем крейсера сразу же, как узнал о том, что реакторы не реагируют на команды операторов. На худой конец, он должен был озаботиться состоянием радиационного фона и герметичностью отсеков, а не навещать научного сотрудника Касаткину. Однако он все же сделал тот выбор, который сделал и никак не мог объяснить самому себе логику собственных действий.

К своему большому облегчению, Павленко обнаружил, что святая святых любого звездолета, реакторный отсек, пережил массовый психоз без потерь. Да, тогда он уже был в курсе того, что они потеряли доступ к системам реактора. Эта информация поступила к нему перед апогеем массового психоза на корабле. Однако тогда, этот факт не сильно его беспокоил. В ту ночь Павленко был уверен, что до утра никто из экипажа не доживет, что миссия уже провалена, что три сотни душ на «Прорыве» обречены. Это бесчеловечное оружие, призванное полностью деморализовать людей, натравить их друг на друга, не могло быть единственным козырем инопланетян, (ну, или кто там на этом «шаре» всем заправляет?). Самое главное они уже сделали, обездвижили врага и подавили моральный дух его экипажа. Оставалось дело за малым – расстрелять земной звездолет и дело с концом.

Однако, даже прячась в рубке наблюдения, Павленко пытался мыслить рационально. Пытаясь заглушить собственные эмоции, справиться с навязанным психологическим давлением, он заставил себя собраться и принялся за анализ текущего положения. Разбирая ситуацию, он первым делом восстановил хронологию событий. Итоги такого мозгового штурма не обрадовали кап-три Павленко. Сперва «шар» выводит из строя капитана, отсекает, так сказать, голову от туловища. Обезвредив его, он приступает к воздействию на остальной экипаж, причем начинает он с высшего командного состава. Павленко прекрасно помнил, как собачились между собой офицеры на мостике в отсутствие Кольского. Затем, по мере сближения «Прорыва» и «шара», воздействие последнего только усиливается и впоследствии эпидемия безумства на корабле приобретает массовый характер. С ума посходили практически все члены экипажа. Корабль потерял свою боеспособность еще тогда, когда остался без двигателей и попал в дьявольские силки невидимого гравитационного воздействия. Однако «шару» этого показалось мало. Ко всем бедам «Прорыва» добавилось и психологическое воздействие на экипаж. Павленко сильно сомневался в том, что раса, способная провернуть такое, отнесется к поверженному врагу милосердно. Знают ли они вообще о таком понятии, как милосердие? Вывод

напрашивался сам собой, как только «Прорыв», по сути, не представлявший никакой угрозы, приблизится к «шару», гости из иного мира попросту его уничтожат. Неясным оставался лишь один вопрос – судя по всему, в технологическом плане, инопланетяне были на голову выше землян и имели возможность уничтожить и «Прорыв» и «Ксинь Джи» вообще не прибегая к психологическому воздействию. Так, зачем им понадобился весь этот цирк?

Так, в своих мыслях о «шаре» и ситуации в целом, Павленко добрался до своей боевой части. Нужно было разобраться с энергосистемой корабля и понять, что же именно мешает нормально использовать реакторы. Доклад перепуганного, но в целом держащегося бодро вахтенного офицера, дежурившего возле энергетических установок, обнадеживал – никаких внештатных ситуаций за время боевого дежурства, по его словам, не было.

– Так уж и никаких? – изумился докладу своего заместителя Павленко, хотя и не подал вида. Весь крейсер захлебывался в крови и насилии, а тут тишь да гладь? Странно все это.

Павленко кивнул капитан-лейтенанту и замер с немым вопросом во взгляде. Молодой офицер как стоял по стойке смирно, так и продолжил стоять. Казалось, он вообще не собирается продолжать доклад. Павленко списал ступор подчиненного на последствия психоза и помог офицеру подсказкой:

– Саня, продолжай доклад. – Павленко красноречиво кивнул на задраенный коридор, за которым находились гермодвери, ведущие к пультовым комнатам и далее к обоим реакторам. Через маленькие стекла-иллюминаторы Павленко видел, что возле каждой гермодвери стояли караульные. Что ж, уже хорошо. На первый взгляд боевое дежурство в реакторном отсеке было организовано согласно уставу, но дежурный офицер почему-то никак не мог сориентироваться. Он явно не понимал, чего от него хочет начальник. Павленко догадался – его подчиненный только сейчас пришел в себя и то, видимо, не до конца. – Саня, – Павленко осторожно взял офицера под локоть, потянул его вниз и усадил на баночку, привинченную к переборке возле офицерского поста. Сам же Дмитрий присел на корточки перед офицером, заглянул тому в глаза и спросил, четко выговаривая каждое слово: – что с реакторами?

– С к-какими р-реак... – каплей, словно только сейчас проснулся. На Павленко он смотрел глазами полными ужаса. Дмитрий видел, как по лицу каплея пробежала странная улыбка, на его лбу мгновенно выступила испарина.

– С нашими реакторами, Саня? Что с энергетической установкой? Доклад, Саня, доклад!

Павленко старался говорить ласково. Он уже понял, что дежурный офицер до этой самой секунды был не в себе. Более того, Дмитрию стало очевидно, что за время его отсутствия на боевом посту реакторного отсека ничего не происходило только по одной причине – его подчиненные все это время были без сознания. Нет, возможно, с виду они и выглядели бодрствующими, но только за себя никто в отсеке отвечать не мог.

– Ладно, сиди тут, – сдался Дмитрий, – никуда не уходи.

Павленко встал, подошел к гермодвери, ведущей в главный коридор реакторного отсека. На терминале возле двери он ввел несколько команд и проверил радиационный фон (так, на всякий случай проверил – будь на корабле утечка радиации, первым в дело вступил бы искин корабля и объявил тревогу). Радиационный фон был в норме. Павленко отпер гермодверь своим ключом и вошел в отсек. Как и ожидал Павленко, появление старшего офицера в отсеке никто не заметил. Оба матроса, дежурившие возле гермодверей пультовых помещений на появление командира никак не отреагировали и продолжили стоять, как истуканы. Павленко медленно подошел к ним, не сводя с подчиненных глаз. Ребята явно были не в себе. Что-то подсказывало Павленко, что резко выводить людей из ступора не следует, мало ли что у них там перемкнет в голове. Вместо этого, он осторожно потянулся к терминалу, вмонтированному в стену посреди коридора, и вывел на экран изображение с внутренних камер обоих реакторов. Ничего странного в рабочей зоне обоих реакторов не происходило. Далее Павленко проверил наружные камеры обоих реакторов. С виду все было в порядке, хотя нет... Павленко

кольнуло дурное предчувствие. На внешних камерах отсутствовало голубоватое свечение – особый эффект Вавилова-Черенкова, характерный для любого работающего реактора.

– Плохо дело, – процедил сквозь зубы Павленко, чем вывел из ступора обоих дежурных матросов.

Парни заморгали, начали затравленно озираться, переглянулись, увидели командира и вытянулись по стойке смирно.

– Товарищ командир, за время...

– Вольно! – сухо перебил их Павленко и вывел на экран изображение с камер пультовых, где по идее должен был находиться персонал, обслуживающий реакторы. – Боже! – только и смог выдохнуть Павленко. – Санитаров сюда, быстро!

Павленко пришлось растолкать приторможенных матросов, те бросились исполнять приказ. Сам же Павленко проверил состояние радиационного фона еще раз и, убедившись, что он в норме, открыл синхронно обе пультовые.

Все обошлось. Оказалось, что все служащие БЧ-5 были попросту без сознания и пролежали на полу все то время, пока на крейсере творилась чертовщина. Подоспевшие медики во главе с самим майором Ратушняком быстро привели всех мичманов и офицеров БЧ-5 в чувство. Наступило время разбора полетов. Павленко выяснил, что никто из присутствующих понятия не имеет, что происходило с реакторами в последние несколько часов. Провели беглую диагностику систем. И тут всех ждал, мягко говоря, шок. Температура активной зоны обоих реакторов не отображалась, температура же хладагента постепенно падала. Реакторы по какой-то причине были заглушены, хотя главный компьютер твердил обратное – все, мол, в порядке. Проверили вручную – ни одна из турбин не работала, да и с чего им работать, если пара не было? Крейсер автоматически перешел на внутренние резервы. Батареи больше не подзаряжались.

– Все, приплыли, – прокомментировал кто-то за спиной Павленко. Сам же командир БЧ-5, яростно сверкнув глазами, распорядился провести полную диагностику всех энергосистем корабля и доложить по готовности. Время поджимало, нужно было идти на мостик с докладом, а что именно докладывать капитану, Павленко понятия не имел.

Странное дело, но основная мысль, которая крутилась в голове Павленко на пути к капитанскому мостику, поразила офицера до глубины души. И она, по какой-то неведомой ему причине, никак не была связана с заглушенными реакторами.

«Получается, я действительно люблю научного руководителя Касаткину?»

– Да нет, бред! – тряхнул он головой, подходя к мостику, и тут же пожалел, что сказал это вслух.

– О чем вы подумали, Павленко?

С другой стороны коридора к мостику спешил сам командир крейсера Кольский. Он слышал последние слова Дмитрия.

– Простите, капитан, что? – Павленко попытался изобразить растерянность. В текущих реалиях это никого бы не удивило.

– Вы сказали, что все это бред, что вы имели в виду?

– Да, так, – отмахнулся Павленко, – ерунда, просто лезут в голову мелочи всякие...

Кольский пристально посмотрел в глаза Павленко, словно проверяя что-то, и выдал из себя:

– Думаю, вы согласитесь со мной, что в текущих условиях, любая мелочь может быть важна. Даже если она и кажется бредом.

– Я просто подумал, что все это... – Павленко не столько на ходу выдумывал, сколько пытался озвучить мысль, которая уже посещала его сегодня, – дело их рук.

– Чьих рук?

Павленко пожал плечами:

– «Шара»,разумеется. Разве не очевидно?

– Не очевидно, что?

– Ну как же? – Павленко удивляла такая не прозорливость капитана. – Как только «шар» пропал, прекратилось и все это. Вы разве не заметили?

Капитан еще пристальнее посмотрел на Павленко, затем Кольский огляделся по сторонам, убедился, что их больше никто не слышит и буквально впихнул подчиненного на мостик. Как оказалось, на мостике они были пока одни, никто из офицеров еще не добрался.

– Что я не заметил, Дмитрий Фролович? – Глаза Кольского мгновенно налились красным, он сейчас выглядел разъяренным и не совсем уравновешенным. – Дима, ты если что знаешь, так скажи мне. Скажи немедленно! Ты, что, видел «шар»?

И только сейчас Павленко осознал деталь, которую упустил изначально. С того момента, как «шар» появился из ничего и до самого его исчезновения, в смотровой рубке кроме него не было ни одной живой души. Он один видел инопланетный корабль.

Дмитрий попытался объяснить капитану, что именно он видел, рассказал в деталях о том, как «шар» выглядел, какого, примерно, он был размера. В своем рассказе Павленко также озвучил и свои мысли относительно принципа перемещения инопланетного крейсера. Капитан выслушал подчиненного, молча, затем потер ладонью виски, кивнул на место командира БЧ-5 за столом, где офицеры обычно проводили брифинги и сказал:

– Все, что ты мне сейчас рассказал, поведаеть совету. Слово в слово, ты понял?

Павленко сел на свое место и кивнул Кольскому. Не нравился ему тон капитана. По сути, Павленко посчастливилось раздобыть важные сведения о тактико-технических характеристиках противника, что в этом было плохого? Но Кольского эта информация почему-то не обрадовала. Павленко чувствовал какой-то подвох, что-то было не так, но что именно?

Глава 4

Спустя час на совещание явились почти все высшие офицеры «Прорыва». Не было лишь Ратушняка, но оно и не мудрено, у начмеда в тот момент и без этого было полно забот. Несмотря на усталость, (Кольский действительно выглядел сейчас чуть ли не хуже всех на мостике), командир с удовлетворением отметил, что потерь среди высшего офицерского состава нет. Его слова подтвердил командир БЧ-2 Серов. Арес, в свойственной ему манере, лаконично отрапортовал:

– Капитан, я уже говорил с медициной, основные потери личного состава среди матросов, сержантов и старшин. Погибли двадцать три человека. Тяжело ранены два лейтенанта истребительной группы, госпитализированы еще пять офицеров-связистов, у них в рубке произошла стычка. Кто-то активировал систему пожаротушения в отсеке. Они там чуть не задохнулись все. Благо искин правильно оценил ситуацию и вовремя пустил в отсек кислород.

– Скорее защита от дурака сработала, – прошептал Верещагин, командир БЧ-1. – Насколько я понял, наш ИИ приказал долго жить и полностью свихнулся. Он не в состоянии толком просчитать даже маршрут консервной банки, выпущенной из утилизационного шлюза.

– Что есть, то есть, – согласился с ним Арес, – по моей части к искину корабля тоже имеются вопросы.

– Ладно, – сухо сказал капитан, – мы тут не массовка. Надеюсь, каждый из командиров взял управление своими боевыми частями на себя. Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь... Настало время показать, что из себя человек представляет. Разберемся и без ИИ. Виктор Сергеевич, раз уж вы встали, доложите по своим боевым частям.

– По БЧ-1 и БЧ-2 без нареканий. – Сообщил Серов. – Все вооружение крейсера функционирует штатно, включая системы ПРО и ПАО. На этом, господа, хорошие новости заканчиваются.

– Валяй, – обреченно выдохнул Кольский, – где проблемы?

– Кроме того, что всеми системами придется управлять вручную, есть еще одна загвоздка – мы потеряли все щиты, капитан.

– Что значит, потеряли?

– Мы пока не разобрались. Генераторы плазменных щитов, насколько я успел понять, не повреждены, но они по-прежнему не работают.

– А на хвосте по-прежнему китайцы... – подвел итог Кольский и взглянул на Верещагина. – У тебя что, Георгий Иванович?

Арес сел на место, из-за стола поднялся коренастый командир БЧ-1.

– Капитан, мы легли в дрейф. То гравитационное воздействие полностью нас остановило. Прямо по курсу, в полутора километрах от нас наблюдаем «Осирис-3». «Ксинь Жи» прошел параллельным курсом и замер от нас в двух километрах. До «Осириса» им лететь те же полтора километра. – Капитан кивнул Верещагину, решив, что тот уже завершил свой доклад, однако офицер на место не сел и, как-то робко продолжил: – И еще, капитан...

– Что?

– Неподалеку от «Осириса-3» зафиксирован неопознанный объект.

– «Шар?» – Кольский покосился на Павленко и увидел, как тот медленно качает головой.

«Не может этого быть! – думал Дмитрий. – Я своими глазами видел, как чужой крейсер провалился в никуда. Если там и есть что – это точно не корабль инопланетян»

– Да, капитан! – отчеканил Верещагин. – Мы наблюдаем объект сферической формы. Он нейтрален во всех спектрах наблюдения.

– То есть, как нейтрален? – не понял Кольский.

– Не реагирует ни на какие методы сканирования. Словно, это не искусственный объект, а простой булыжник. Только это не обычный булыжник, его не видно на радарх.

– Булыжник правильной сферической формы, который не отображается на радарх?

– Да, капитан. Булыжником я его так, для красного словца назвал. Этот шар определенно не природного происхождения.

– Поясни...

– Тут лучше самим взглянуть, капитан. – Верещагин засуетился, пытаясь вывести на голограмму в центре стола информацию. Руки офицера немного дрожали, было видно, что он волнуется. Однако с волнением Верещагин быстро справился, и уже через секунду над столом появилось объемное изображение «Осириса-3». С виду пропавший корабль был цел, если не считать нескольких поврежденных шлюзов. Раскучены были носовой шлюз и оба шлюза по левому борту. Также были видны следы ремонтных работ – пробоины были запечатаны герметиком. Что бы там ни происходило, в момент трагедии на корабле функционировали роботы-ремонтники.

– Так, все ясно, а где «шар» – то? – не понял Кольский.

– А вот, он...

Верещагин сделал несколько пассивных движений руками прямо в воздухе, приблизил изображение и сместил акценты чуть левее злополучного «Осириса». Все офицеры, как один вздохнули в изумлении. По мостику прокатилась волна перешептываний. Перед взором офицеров, в нескольких десятках метрах от самого «Осириса» завис отполированный до зеркального блеска «шар». Качества изображения хватало даже на то, чтобы разглядеть на поверхности шара отражение звездного неба и части «Осириса-3».

– Такой маленький? – удивился связист Володин.

– Всего тридцать метров в диаметре. – Подтвердил Верещагин.

– Я думал, он будет больше... – задумчиво сказал командир БЧ-6 Иванов. Командир истребительной эскадрильи «Прорыва» обычно на брифингах помалкивал, однако и его прорывала картинка загадочного инопланетного объекта.

– И из-за этого весь сыр-бор? – удивился вслух Арес Серов. – Нам же передавали, что в засветку попал объект никак не меньше пятидесяти километров в диаметре. А тут такой пшик...

– Нам все верно передавали, – впервые за все время подал голос Павленко. Все офицеры вопросительно посмотрели на командира БЧ-5.

– Да, у Дмитрия Фроловича есть, что рассказать, – вспомнил про Павленко капитан, – но давайте, все же по порядку по системам корабля. – Евгений Павлович, что у нас со связью?

Поднялся командир БЧ-4 Володин.

– Командир, связь есть. По моей службе, без замечаний, если не брать в расчет уже озвученный Аресом инцидент с моими офицерами.

– Евгений Павлович, – перебил офицера Кольский, – я попрошу на брифингах обойтись без кличек.

– Ну да, – буркнул вполголоса Серов, – у самого-то погоняло – «Красавчик».

По мостику прокатилась волна смешков, однако Кольский на шутку никак не отреагировал. Командир смерил Серова строгим взглядом и тот поспешил зарыть рот, хотя на тему прозвища командира БЧ-4 у него было припасено немало колкостей.

– Виноват, товарищ командир. – Володин коротко кивнул и продолжил. – Пытаемся связаться с «Ксинь Джи», но пока безрезультатно. Ах да, получили пакет данных с Земли по ЧСДС. Идет расшифровка.

Командир коротко кивнул Володину и поинтересовался:

– С этим «шариком» связаться пытались?

– Да, командир, безрезультатно, как и докладывал Георгий Иванович. – Володин хотел было сесть на место, но вдруг вспомнил, что хотел спросить у капитана. – Командир, вы пришли в норму, я правильно понимаю, что руководство кораблем вновь передано вам?

Кольский взглянул на притихшего старпома. Сорокин сидел на своем месте и вел себя тише воды, ниже травы. До этого момента, похоже, никто и не замечал его присутствия на мостике.

– Я уже в норме, – сказал Кольский, – вы же не против, Владимир Ильич?

Сорокин вздрогнул, возвращаясь к реальности. За весь брифинг он не проронил ни слова и выглядел несколько отчужденно.

– Простите, что? – Сорокин растерянно посмотрел на капитана.

– Я спрашиваю, – повторил Кольский, – вы согласны передать мне управление «Прорывом»? Необходимо ваше устное распоряжение.

Сорокин затравленно посмотрел на сослуживцев.

– Да, да, конечно, – наконец выдавил он из себя, – капитан вновь с нами, передаю управление кораблем командиру МЗК «Прорыв» Кольскому.

– Занесено в протокол. – Тут же отозвался ИИ «Прорыва», хотя такой прыти от искина уже никто и не ждал.

– С вами все в порядке? – Насторожился Кольский.

– Да, да, Борис Владимирович, все хорошо. Просто... – Сорокин не договорил. На мужчину вдруг нахлынуло... Он обхватил руками голову, рухнул на стол и зарыдал. Кольский растерянно огляделся по стонам.

– Что это с ним?

– Нам удалось перекинуться парой слов, командир, – тихо ответил Володин, – Владимир Ильич винит себя в том, что произошло на «Прорыве». Все эти нападения, смерти... В ваше отсутствие он командовал крейсером и теперь считает себя главным виновником этой трагедии.

– Уведите его в медпункт. – Строго сказал Кольский. И добавил, так чтобы слышали все, включая рыдающего старпома. – Если, кто и виноват во всем, так это я. Нашел время на апатию и рефлексия.

– Но, командир! – попытался было возразить Серов, но Кольский не дал ему договорить.

– Мы были атакованы, господа. Кем и как, предстоит выяснить. Важно одно, мы все еще переживаем последствия этой атаки. Атаки, к которой не были готовы. К атакам такого рода в принципе нельзя быть готовым. Смею предположить, на Земле вообще нет подобных технологий. Однако мы все знали о том, что служба в космическом флоте это риск. И немалый риск. Мы все проходили отбор, в том числе и психологический. Просто... – Капитан вдруг замолчал. Взгляд его замер на голограмме с «шаром». – ...Просто мы слишком расслабились.

– Что вы хотите этим сказать, командир? – тихо спросил Володин.

– Мы не справились! Облажались! – Ответил Кольский раздраженно. – Мы все, все человечество! Это факт. Полеты в космос стали для нас всех обыденностью. Мы даже сюда летели с чувством, что во вселенной нет ничего и никого умнее и сильнее нас. Мы все, слишком сильно полагались на нашу науку, на технологии, на искусственный интеллект. Мы передоверили ему практически все бразды управления кораблем, перепоручили машинам думать за нас, действовать за нас, решать за нас. А когда эта система дала сбой, мы попросту оказались не готовы к этому. Мы – в смысле люди. Мы все стали слишком инфантильны, слишком зависимы от бога, которого сами себе навязали. И бог этот – прогресс. – Капитан на минуту замолчал. На мостике царило гробовое молчание. Никто не осмелился возразить капитану. Нет, не потому, что боялись его гнева. Офицеры не возражали Кольскому потому что понимали – капитан прав. Выдержав паузу, Кольский вновь заговорил. – Да, ребята, мы действительно облажались. Но я знаю одно – мы оправимся от этого удара. И сможем ответить. И ответ будет жестким.

Как ни странно, но слова командира действовали на всех офицеров воодушевляющее. Даже старпом немного приободрился.

– Ладно, отведите Владимира Ильича в лазарет и продолжим. У вас все, Евгений Павлович?

Володин покачал головой и вновь заговорил.

– Командир, раз уж нам удалось взять под контроль ситуацию на борту, не стоит ли нам отправить на Землю сообщение по ЧСДС?

– Да, – согласился Кольский. – Дмитрий Фролович, подготовьте полный отчет о потерях и состоянии корабля до конца дня и принесите его мне на согласование. Отправим весточку на Землю, наверняка они будут рады, что кризис миновал.

И тут Павленко всех убил. Ему надоело молчать. Надоело, что его присутствие попросту игнорируют. Он был носителем, чуть ли не самой важной для миссии информации, а о нем попросту забыли. И кто забыл – командир!

– Нет, командир, – жестко отчеканил Павленко, – мы не станем отправлять сообщение на Землю!

Такое заявление приковало к Павленко взгляды всех без исключения присутствующих на мостике офицеров.

– Что вы сказали? Вы тоже не в себе? – изумился Кольский.

– Нет, капитан, я в норме. Но вы не выслушали моего доклада о состоянии энергосистемы корабля.

– Не пугайте нас, Павленко, – напрягся Кольский. Как он только мог упустить столь важную деталь из виду?

Павленко не стал ходить вокруг да около:

– Мы остались без реакторов, капитан.

– Что? – Кольский не мог поверить в то, что услышал. Вы бредите?

– Нет, командир. Оба реактора по неизвестным пока причинам заглушены. Мои ребята сейчас проводят полную диагностику всей энергосистемы корабля. И до выяснения всех нюансов, я вынужден просить вас не использовать столь энергозатратную систему связи, как ЧСДС.

Минутную паузу прервал Арес:

– Черт, Дима, а ты не думал, что о таком нужно докладывать в первую очередь? Сидим, как дебилы, шарик этот разглядываем. А у нас, (непечатно) тупо энергии нет...

– Есть резервы, – ответил Павленко. – Но их достаточно лишь на поддержание основных систем жизнеобеспечения корабля. До катастрофы далеко, на решение проблем с питанием у нас есть два месяца, далее придется туго. Учитывая стабилизацию ситуации...

– До катастрофы далеко? – Перебил Павленко Серов. Пожалуй, впервые за всю свою карьеру он позволил себе столь эмоциональную речь. – У нас вышли из строя реакторы, и это в двух световых годах от Земли! У нас не работают щиты – любой рандомный космический булыжник может привести к гибели всего экипажа. Я уже молчу о военном крейсере китайцев. У нас нет энергии, стало быть, нет и дальней связи! Это вы называете стабилизацией ситуации?

– Вы правы, Виктор Сергеевич, проблемы с плазменными щитами, прямое продолжение проблемы с реакторами. Компьютер ограничивает потребление энергозатратных систем. Могу поспорить, лазерные турели тоже не работают. В нашем распоряжении лишь ракеты, торпеды и мины.

– То есть, только то, чем мы просто можем швырнуть во врага. Стабильнее некуда, ничего не скажешь.

Серов рухнул на свое место и уставился в одну точку. Он чувствовал, что вот-вот потеряет над собой контроль, чего раньше с ним не происходило. Он и сам не знал, что может быть настолько эмоциональным.

– Так, – тяжело вздохнув, со своего места встал Верещагин, – чего мы еще не знаем?

Вопрос был адресован Кольскому. С самого начала брифинга штурман внимательно следил за капитаном и пришел к выводу, что сюрпризы на докладе Павленко не закончились.

– Дмитрий Фролович, – тихо произнес капитан, обращаясь в пустоту, на Павленко он сейчас не смотрел, – расскажите им.

– Этот шар... – продолжил Павленко, кивнув на голограмму, – очевидно, что это какой-то инопланетный прибор. Вероятнее всего, именно он генерировал то гравитационное поле, что остановило и нас, и «Ксинь Джи».

– Для меня очевидно, – решил высказаться связист Володин, – что это не прибор, а инопланетный корабль. Тот самый, о котором нас предупреждали с Земли. Правда, они ошиблись в расчетах, этот «шарик» много меньше того, что мы ожидали тут увидеть.

– Они не ошиблись, – спокойно ответил Павленко, – инопланетный корабль, действительно был, и поверьте, он действительно огромен.

– Да? И куда же делся пятидесятикилометровый инопланетный звездолет? – саркастично спросил Серов. – Испарился?

– Провалился в пустоту, если точнее. – Все также флегматично ответил Павленко. На мостике на минуту воцарилась тишина. Первым из легкого ступора отошел Володин.

– Что значит, провалился в пустоту? Откуда вам это вообще известно?

– Я видел это, своими глазами, Евгений Павлович. – Павленко не хотелось открывать сослуживцам всей правды, но иначе они бы ему не поверили. Он тяжело вздохнул и продолжил. – Этой ночью, когда на «Прорыве» происходили известные всем события, я проявил слабость.

– Слабость? – удивился Серов. – О чем вы?

– Я знаю, что нарушил положения устава и РБЖ. Как и все на крейсере, я подвергся психологическому давлению. В какой-то момент, я поддался своим внутренним демонам...

– Довольно поэтичное сравнение... – тихо буркнул под нос Верещагин, так чтобы было слышно его другу Володину и оба хмыкнули. Павленко на колкость не обратил внимания и продолжил.

– ... я не был на своем боевом посту, господа.

– Где же вы были? – спросил Кольский.

– Я был в каюте научного руководителя Касаткиной.

На лице капитана непроизвольно проскользнул тик, уголок его рта чуть заметно дернулся, и капитан поспешил прикрыть лицо рукой, дабы не выдать своей заинтересованности.

– И что же вы там делали, позвольте узнать? – спросил Кольский, буравя подчиненного взглядом.

– Я не знаю, командир. – Признался Павленко. – Я помню то мгновение, когда осознал себя, стоящим перед ее каютой. Я не помню, как оказался в той части корабля, не помню, как покинул реакторный отсек. Помню лишь то, что увидел.

– Что же вы увидели, Дмитрий Фролович?

Как ни старался сейчас Кольский придать безразличие своему голосу, это ему не удалось. Все, без исключения, заметили заинтересованность капитана в этом вопросе. Естественно, у всех в памяти еще были свежи воспоминания о недавнем странном поведении Кольского. Все прекрасно помнили, что именно после общения с Касаткиной, командир окончательно потерял рассудок. Не мог не помнить этого и Павленко. Он прекрасно понимал, что у капитана к Касаткиной есть определенный интерес. Именно поэтому она на него так влияла. Воздействие на его рассудок «шара» было лишь спусковым крючком. Однако деваться было не куда. О произошедших в ту ночь событиях лучше было рассказать самому – дожидаться жалобы со стороны Варвары Касаткиной было не лучшей идеей.

– Сперва, я услышал шум, словно в каюте кто-то борется, затем я услышал хрип, нет, – он напряг память и даже прикрыл глаза, – это был даже не хрип, а сипение, словно кто-то

задыхается. Я вошел в каюту и увидел, как какой-то матрос пытается задушить Варвару Сергеевну. Она уже была почти раздета, как, впрочем, и тот матрос. – На лице Кольского заиграли желваки, свободная рука под столом самопроизвольно сжалась в кулак, костяшки пальцев побелели. Павленко продолжал свой рассказ. – Очевидно, тот матрос пытался совершить над девушкой насилие. Я помешал этому. Завязалась короткая драка. Матроса я вышвырнул из каюты. Куда он делся после, я не знаю.

– Вы сможете опознать этого матроса? – тихо спросил Серов.

Павленко покачал головой.

– Не уверен. Я до сих пор помню те события, лишь частично. Приходится буквально выжимать эти воспоминания из головы. Возможно, его сможет опознать Варвара Сергеевна, или мы могли бы посмотреть на камеры в коридоре жилого отсека.

– Что было дальше? – тихо спросил капитан.

– Я, кажется, посоветовал научному руководителю Касаткиной запереться, а сам направился в смотровую рубку.

– Куда? – удивился Верещагин. – Не на свой боевой пост?

– Я не отдавал себе отчета, – Павленко опустил голову. Он прекрасно понимал, что сейчас сознается перед капитаном и всем офицерским составом в грубейшем нарушении устава. – Я испугался, того, что могут натворить люди в моем отделении. Я решил, что корабль уже обречен, и что смотровая площадка будет наиболее безопасным местом в эту ночь.

– Но и там были вахтенные матросы. – Возразил Володин. – Их вы не боялись?

– Я освободил их от дежурства и велел разойтись по каютам...

– Куда они не дошли, между прочим, – это уже сообщил Серов. – Двоих впередсмотрящих обнаружили истекающими кровью на камбузе. Неясно, что они там делали, но было установлено, что между ними и коком произошла поножовщина. – Арес, закусил губу, пытаясь уловить нить рассказа Павленко. – Дмитрий Фролович, я не понимаю, к чему вся эта обстоятельная исповедь? Вы могли промолчать, и никто бы не узнал о вашем грехе.

– В свете того, что мы потеряли оба реактора, – сурово сказал Володин, – этот проступок уже нельзя называть простым грешком. Павленко отвечает за всю энергосистему корабля. В ту роковую ночь он позволил себе отсутствовать на своем боевом посту. А сейчас он заявляет нам, что не знает, что именно произошло с реакторами.

– Эта слабость может нам всем дорого обойтись, – согласился с мнением друга Верещагин. – Думаю, имеет смысл арестовать кап-три Павленко до выяснения всех обстоятельств.

– Нет, это все понятно! – Воскликнул Серов. – Но мне все же интересно узнать, чем завершилась вылазка нашего главного энергетика в смотровую рубку.

– Я видел его. – Павленко поднял глаза на Серова, перевел взгляд на капитана и повторил. – «Шар», то есть инопланетный крейсер, я видел его. Он существует!

– Этот «шар» вы видели? – осторожно поинтересовался командир БЧ-6 Иванов, указывая на голограмму.

– Нет, Сергей Михайлович. Я повторяю, тот шар, который я видел, был действительно огромным. На его фоне «Осирис-3», который сейчас мы видим прекрасно, еле угадывался. Тот «шар» появился в поле моего зрения на несколько секунд. Да он был очень похож на этот, – Павленко тоже показал пальцем на голограмму посреди стола, – и поверхность его была покрыта тем же серебристым материалом, но этот шарик – маленький, а тот шар был огромен. Действительно огромен! Он появился на несколько мгновений, а после словно бы провалился в пустоту.

– В котором, примерно, часу вы это видели? – угрюмо спросил связист Володин. Как бы ему не нравился кап-три Павленко, было одно обстоятельство, косвенно подтверждавшее его слова.

– Не могу сказать, – Павленко вновь опустил голову. – Я, как и все мы, плохо ориентировался в ту ночь. Не уверен, что смог бы назвать точное время, но предположу, что произошло все это в третьем часу ночи по корабельному времени.

– Вам есть что добавить, Евгений Павлович? – уточнил Кольский.

– В два десять, мои ребята зафиксировали мощное гравитационное возмущение в том секторе. Я узнал об этом недавно.

– Узнали недавно, или осознали это недавно? – переспросил Серов.

– Я только сейчас вспомнил об этом, – признался Володин. – Дмитрий Сергеевич прав, мы все в эту ночь были не в лучшей форме.

– Что же, – развел руками Серов, – в таком случае. Нам просто нужно поднять записи внешних видеокамер и проверить слова Павленко и Володина. Во всяком случае, пока все указывает на то, что тот первый «шар», действительно был, а затем пропал, оставив вместо себя этот, как вы там выразились? Прибор?

– Я уже просмотрел все записи, – сухо сказал капитан. – Собственно, этим я и занимался все утро. На записях нет никакого инопланетного корабля. Запись ведется с самого момента появления на наших радарх «Осириса-3».

– Что же это получается? Павленко все выдумал? А гравитационную аномалию вызывала эта малютка? – удивился Верешагин.

– Пока рано делать выводы, – ответил капитан и постарался расслабиться. Он уже успел взять себя в руки. Похоже, между Павленко и Касаткиной и вправду ничего не было. О ее здоровье Кольский справился у Ратушняка, прежде чем приступил к своим обязанностям. Правда, в отличие от Павленко, капитан не планировал озвучивать эту информацию. – Наказывать капитана третьего ранга Павленко мы не будем, хотя его подробный рапорт и будет занесен в судовой журнал.

– Но, капитан, – начал было возражать Володин, Кольский его оборвал.

– Мы все хороши! – Кольский встал со своего места, прошелся по мостику и устремил свой взор на голограмму, где по-прежнему красовался вновь обретенный человечеством «Осирис-3» и загадочный «прибор-шар», как его назвал Павленко. – У меня нет возможности наказывать и отстранять от работы офицеров, способных помочь в этой трудной ситуации. Слушай мою команду. Привести в полную боевую готовность все вооружение «Прорыва». На «Ксинь Джи» наверняка уже знают о наших проблемах. Изучить китайский крейсер и его степень защиты. Мы должны знать их слабые места на случай возможного боевого столкновения. БЧ-4, постараться связаться с «Ксинь Джи», доложить немедленно, если они все же выйдут на связь. Далее, просканировать во всех диапазонах «шар». Изучить. Получить максимум информации. Параллельно готовьте abordажную команду. Нужно наведаться на «Осирис-3». Кто знает, может, там мы найдем ответы на интересующие нас вопросы. – Капитан обвел взглядом офицеров. – Вопросы? Вопросов нет. Разойдись!

Именно так завершился тот брифинг двухмесячной давности. С тех пор утекло много воды, многое в раскладе поменялось. К примеру, Павленко все же удалось выяснить причину отказа энергосистемы «Прорыва». Этому поспособствовали два фактора – вылазка на «Осирис-3» и спасение единственного выжившего на пропавшем звездолете человека. Ну, как человека – репликанта по имени Роман. Помимо него abordажная группа обнаружила на борту «Осириса» кучу трупов – экипаж пропавшего рудовоза «Марк-10». Недалекие военные тут же повесили все эти трупы на Романа. Бедного репликанта допрашивали с пристрастием все имеющиеся на борту церберы Ареса, но так ничего от него и не узнали. Поначалу, Роман на контакт шел охотно, но после предъявления ему обвинений и психологического давления закрылся и перестал разговаривать с военными. Идиоты, думал Павленко, даже если этот репликант и был причастен к убийству экипажа «Марка-10», ко всему прочему, он был еще и ценным свидетелем, важным источником информации. Именно от него Павленко узнал про амальгит. Бла-

годаря ему, смог обнаружить это вещество во всех важных узлах и агрегатах системы управления реакторами. И если бы не эти чудачки на букву М, смог бы узнать куда больше. Благо с Романом позволили поработать Касаткиной. Девушке, кажется, удалось разговорить запуганного гестаповскими методами Ареса-Серова парня. И то, что ей удалось от него узнать, поставило Павленко в сложную ситуацию. Речь шла как раз о том самом выборе, перед которым оказался Павленко. Нужно было решить за какую команду играть. Роман утверждал, что ваэрры и Валерия Мирская, медик с «Осириса», отправились к Земле. Когда «шар» туда придет, он не знал, поскольку не обладал информацией о тактико-технических характеристиках крейсера ваэрров. Однако он утверждал, что знает, как с ними бороться. Открываться Варваре Касаткиной полностью Роман не стал, не посвятил в свою тайну репликант и Дмитрия, однако предложил выход – они дают ему связь с Землей по ЧСДС, а он посылает мануал по борьбе с захватчиками тому, кто сможет организовать оборону. Что за мануал, кто этот таинственный вожак будущего сопротивления – Роман наотрез отказался говорить.

Обо всем этом, Павленко, разумеется, доложил командиру, но Кольский категорически отказывался предоставлять преступнику (они почему-то приговорили репликанта без суда и следствия) возможность связаться с Землей. Мотивация у командира была простая – что если этот тип нас всех дурит и хочет обвести вокруг пальца? Что если он засланный казачок, шпион, который спит и видит, как поднасрать экипажу «Прорыва»?

«Можно подумать, – думал Павленко – «Прорыву» можно было поднасрать еще сильнее. Куда уж хуже то?»

И теперь Дмитрий колебался между долгом и возможностью спасти человечество. А время неумолимо утекало, энергия на корабле таяла на глазах, китайцы наседали, Павленко знал об ультиматуме китайцев относительно их первенства в исследовании малого «шара». И не было ни единого шанса спасти «Прорыв». Оставалось выбрать одно из двух – рискнуть и дать Роману связь с Землей, или же приберечь энергию до лучших времен, которые, возможно, для «Прорыва» уже никогда и не настанут.

Глава 5

– Мы получили ответ от китайцев.

Володин уже изучил содержание послания с «Ксинь Джи» и оно, мягко говоря, не было дружелюбным. Однако сам факт того, что китайцы все-таки вышли на связь внушал некий оптимизм, а потому доклад связиста выглядел чрезмерно бодрым. Капитан Кольский же пропустил это сообщение мимо ушей. Он был слишком погружен в собственные раздумья.

– Борис Владимирович? – напомнил о себе связист, чем, собственно, и отвлек капитана от раздумий.

– Да, Евгений Павлович, – очнулся Кольский, – что ты говорил?

– Я говорю, китайцы на связь вышли. Требуют предоставить гарантии безопасности. Хотят первыми обследовать «шар».

– Да? И каковы их аргументы?

– Говорят, вы, мол, летели со спасательной миссией к «Осирису-3», миссия ваша выполнена, а теперь, будьте так любезны, свалите в туман, а мы займемся настоящей работой.

– Что, так и сказали?

– Ну, в общих чертах да, – Володин ухмыльнулся и после кивка капитана, присел напротив, – это мой вольный художественный перевод. Но к тексту оригинала близко.

– А с чего они взяли, что мы будем им мешать? Ты, кстати, угощайся.

Связист застал Кольского в своей каюте за ужином. На капитанском столике красовалась глубокая тарелка с виноградом и сырная нарезка. Володин угостился холодной ягодой. Самое то во время дежурства по кораблю.

Володин, кстати, предпочитал именно такое, неформальное, общение с капитаном. Он заглядывал к нему всякий раз, как заступал дежурным. На мостике или на ЦП, капитан выдерживал субординацию и выкал всем офицерам. Доклады по селектору или голофону Володин не любил – слишком уж формально они проходили. Не всегда было понятно, как именно к тебе относится командир в данный момент. А тут, в его каюте, можно было услышать от него отеческое «ты». Именно отеческое, Кольский никогда не опускался до панибратства. Такая неформальная обстановка, плюс сам факт того, что командир в любое время суток принимает именно тебя у себя в каюте, ведет с тобой беседу тет-а-тет, позволял Володину строить свои взаимоотношения, как с руководством, так и с сослуживцами. В неформальной обстановке человек раскрывается, ведет себя иначе, говорит иначе, позволяет себе больше вольностей и нет-нет, да и выдаст ту или иную полезную информацию. Благодаря такой близости с командиром Володин всегда был в курсе, как к кому Кольский относится, и уже в зависимости от этого, строил свои планы на будущее. Сегодня целью Володина был кап-три Павленко. Нужно только дождаться момента и понять, что о нем думает Кольский.

– Я у них не спросил, Борис Владимирович, не хотел вступать с врагом в диалог без вашего ведома. Осмелюсь предположить, их положение не лучше нашего, они боятся вступать в прямое столкновение с нами.

– Что-то они не опасались нас, когда своего червя запускали. – Буркнул в ответ капитан и отвернулся от тарелки с сыром.

– Тогда и у нас и у них работали энергощиты, – Возразил Володин. – Сейчас же мы в одинаковом положении. Одинаково уязвимы.

– И ко всему прочему и нам, и китайцам нужно выполнить приказ.

– Точно. Они видят нашу нерешительность в этом вопросе и решили первыми вступить в физический контакт с инопланетянами.

– Будь там инопланетяне, – возразил капитан, – они бы уже сами вступили с нами в контакт.

Володина передернуло, он даже не донес до рта очередную виноградину. Все прекрасно помнили, чем завершился первый контакт с инопланетным разумом.

– Не хотел бы я вновь с ними контактировать. – Признался Володин.

– Как и я. – Капитан не ел. Володин понял, что своим появлением отвлек командира от каких-то серьезных раздумий.

Связист не ошибался. Капитан Кольский действительно сейчас перебирал в голове все возможные варианты развития событий и склонялся к тому, что этот выскочка Павленко, все же был прав на счет «шара». Все указывало на то, что эта штука необитаема, что это никакой не звездолет, а некий прибор. Более того, за последние два месяца наблюдений стало понятно, какой именно это прибор.

Как оказалось, «шар» постоянно посылал в космическое пространство какой-то странный гравитационный импульс. Сигналы эти были точно выверены, промежутки между импульсами были равными, а сама мощность импульсов неизменной. Каждые стандартные сутки «шар» с кем-то связывался. Или, как предполагал Павленко, слал отчеты о своем местоположении. Командир БЧ-5 предположил, что этот «шар» является эдаким маяком. Павленко поддерживали силовики Сергеев и Иванов. Остальные офицеры сомневались, резонно предположив, что будь это маяк, обозначающий путь в нашу звездную систему, мы бы видели и другие такие маяки.

Несмотря на кажущуюся пустынную вселенной, в ней имеется множество объектов, с которыми любому телу, перемещающемуся в пространстве, так или иначе, пришлось бы взаимодействовать. На пути пришельцев, откуда бы они ни прибыли, наверняка лежали миллионы звезд с их планетами, а также планеты-потеряшки, бесцельно бороздящие пространство, оторвавшись от своих звездных систем вследствие различного рода катаклизмов. Таких крупных объектов в космосе миллионы, а то и миллиарды, и это если не учитывать бессчетное множество объектов поменьше – астероидов, метеоритов, комет, планетоидов, спутников планет и прочих небесных тел, способных уничтожить любой объект, движущийся с релятивистскими скоростями. А в том, что эти пришельцы двигались быстро ни у кого сомнений не было – иначе путь к Солнцу занял бы у них миллиарды лет. По сути, такие путешествия бессмысленны – именно поэтому человечество еще не шагнуло за пределы своей звездной системы. В ближайших к Солнцу системах жизни, как известно, нет, а более отдаленные участки космоса обследовать уже не выходило. Слишком уж медленно передвигались звездолеты Земли. Даже программа «Осирис» была направлена не столько на поиск внеземной жизни, сколько на поиск резервной планеты для землян. И рассчитана эта программа была на изучение ближайших к Солнцу звездных систем.

Вот и выходило, что если этот «шарик» был маяком, то должны были быть и другие такие «шарики», составляющие для инопланетян своеобразный фарватер в космическом пространстве. Если бы предположение Павленко было истиной, земляне уже давно бы наблюдали целую сеть гравитационных аномалий. И в совокупности они указывали бы на определенную звездную систему. Но таких аномалий земные и космические обсерватории не наблюдали, а стало быть, и вся теория Павленко не выдерживала критики.

– Так, что с китайцами? – напомнил о цели своего визита Володин. – Вы сами проведете переговоры с ними, или мне взять это на себя?

– И что ты им скажешь? – Кольский скосил взгляд на связиста. Ему было любопытно мнение старшего офицера.

– У нас есть четкий приказ, командир. Если вам интересно мое мнение, то я считаю неприемлемым ультиматум «Ксинь Джи». Они не в том положении, чтобы говорить с нами с позиции силы.

– Считаешь, у нас есть выбор?

– Я не совсем понимаю, Борис Владимирович, – Володин отложил очередную виноградину, – вы думаете отдать инициативу китайцам?

– Вы лучше меня знаете, с чем мы можем столкнуться, Евгений Павлович. – Кольский впервые за разговор перешел на «вы», что означало его серьезный настрой. Командир наверняка думал о своем решении не один час, раз уж заговорил об этом вслух. – Если этот «шар», как мы предполагаем, единственный, если никакого большого корабля нет, и не было, значит, на нас воздействовала именно эта невзрачная, блестящая елочная игрушка. А, следовательно, мы рискуем вновь ощутить на себе ее воздействие. Любое наше действие, даже миролюбивое, «шар» может расценить, как агрессию или угрозу. Боюсь, повторной психической атаки «Прорыв» не вынесет. Не будет ли более разумным уступить китайцам и посмотреть, что из этого выйдет?

Володин понял, куда клонит капитан и решил аккуратно перевести разговор в нужное для себя русло:

– Борис Владимирович, я правильно вас понимаю, вы все-таки не верите Павленко? Я имею в виду в то, что он видел огромный звездолет.

Кольский поморщился. За последние недели у него на эту фамилию развилась натуральная идиосинкразия. Молодой капитан третьего ранга раздражал Кольского. И природа этой неприязни была не в убеждении молодого офицера в своей правоте (люди имеют полное право заблуждаться так, как им вздумается), всему причиной была банальная ревность.

Мозгами капитан понимал, что это глупо – ревновать Касаткину к Павленко. Где Кольский и где Касаткина? По возрасту, он ей вообще в отцы годился. Да и не было у него никогда к этой девушке интереса. Это странное влечение было ему навязано извне, сейчас он это понимал. Капитан чувствовал, что все его навязчивости имели искусственную природу. Но, почему тогда это не прекратилось два месяца назад? Весь экипаж уже давно пришел в себя, все чувствовали себя нормально. Все, кроме него. Сейчас Кольский ощущал себя роботом, в программе которого знатно порылись хакеры, наворотили там дел, да так и забыли откатить настройки до заводских. Да, это влияние было не сравнить с тем, что он испытывал в те страшные дни полнейшего безумия, но, так или иначе, оно никуда не делось. Ослабело – определенно, но не пропало окончательно. Кольский по-прежнему испытывал влечение к научному сотруднику Касаткиной. И еще он точно знал, что Павленко испытывает к Варваре Сергеевне те же чувства. Кольского бесило буквально все – и то, как Павленко смотрит на Касаткину, как говорит с ней, то, как она ему отвечает. Их совместная работа с этим проклятым репликантом, их совместные ужины и даже доклады – буквально, все.

Оставалось непонятным лишь одно – какова природа увлечения Павленко Касаткиной. Была ли его увлеченность обусловлена природным фактором, а-ля, «молодой мужчина влюбился в молодую женщину», (что, в целом, было нормой), или же чувства Павленко были сродни тем, что испытывал, вот уже два месяца кряду, сам Кольский. Именно это и сводило с ума капитана. Из-за этой ревности он относился к Павленко предвзято, хотя и допускал, что тот может быть прав насчет мифического «большого шара». Тем более, что о том же твердил и задержанный репликант.

– Павленко и сам не верит в то, что видел. – Наконец ответил Кольский.

– Но он отстаивает свои слова с фанатизмом.

– В том то все и дело, с фанатизмом! – Кольский даже не пытался скрыть своего раздражения. – Ничего не напоминает? Он увидел этот свой огромный «шар» в самый страшный период нашего полета. Все мы в тот момент были не в себе. Всем нам были навязаны ложные иллюзии, ложные мысли. Кто даст гарантию, что его слова не продукт его больного воображения, не галлюцинация? Никто, кроме него, не видел огромный пятидесятикилометровый звездолет. Не зафиксировали его и наши камеры слежения. Так, с чего нам ему доверять?

Кольский нарочно сказал «нам», пытаясь увести собеседника от мысли о предвзятости.

– А как же репликант? – Володин, словно мысли Кольского прочел.

– А что репликант? – пожал плечами Кольский. Ответ на этот ожидаемый вопрос у него был заготовлен заранее. – Репликант говорит только то, на что был запрограммирован. Кто знает, что он видел и пережил на самом деле? Кто знает, кем именно он был запрограммирован? А если это те самые инопланетяне? Не исключено, что Павленко показали ту галлюцинацию они же, и именно потому показали, что эта информация уже была в голове репликанта. А поместили они ее туда, зная, что мы его спасем. Вся эта история с большим инопланетным кораблем больше похожа на дезинформацию, призванную запутать нас, сбить с верного курса, заставить ошибиться.

– Тогда я не понимаю, почему вы еще не отстранили Павленко от должности. – Володин бросил эту фразу так, между делом, закидывая в рот очередную виноградину, хотя по факту это был его первый выпад в сторону Павленко.

– По той же причине, по которой я не отстранил вас, Серова, Верещагина... По вашей логике, я должен усомниться во всем офицерском составе.

– Есть разница, капитан, – возразил Володин, – мы не настаиваем на своих бредовых идеях. Да, вы правы, каждый из нас имел «удовольствие» испытать на себе это страшное психотропное оружие. Но в отличие от Павленко, мы все пришли в норму. И вы, и я и остальные.

– И я? – Кольский бросил на Володина хитрый взгляд. – Как вы можете говорить за меня? Откуда такая уверенность в других членах экипажа?

Володин смутился.

– Что вы имеете в виду?

Кольский поспешил успокоить связиста.

– Нет, Евгений Павлович, не переживайте. Я не имел в виду, что по-прежнему испытываю нечто подобное. – Кольский всеми силами пытался увести Володина от мысли, что его командир все еще не дееспособен, а потому решил напустить на свои слова туману. Володин, по его мнению, был тем еще «сапогом» и мыслил прямолинейно, хоть и слыл профессионалом в своей области. – Я просто хочу донести до вас простую мысль – после того, что мы все пережили, никто не может быть уверенным в себе. В себе, вы понимаете? Я уже молчу о том, чтобы быть полностью уверенным в других людях. Нас всех окунули с головой в наше же дерьмо, в самые темные глубины нашего подсознания. Мы все испытывали стресс, галлюцинации, бред, навязчивость. Мы все видели то, чего быть не могло. И наоборот, не замечали того, что перед носом. Так вот, моя задача, как капитана отделить одно от другого. И поскольку вся ответственность за миссию лежит на мне, я должен сделать это в отношении себя самого и в отношении каждого из вас. Да, Павленко может ошибаться, более того, я, как и все вы, уверен в этом, но это никак не умаляет его заслуг, как спеца. Не забывайте, нам все еще нужны реакторы. Кому, как не Павленко с этим разбираться?

– Тут, соглашусь, в конце концов, это он обнаружил то вещество на «Осирисе».

– И предположил, что сбой в работе наших реакторов и главного компьютера происходит по причине их заражения неким вирусом, – добавил Кольский.

Речь шла о странном веществе, которым были пропитаны буквально все системы пропавшего «Осириса-3». Павленко обнаружил это вещество при первой же вылазке на мертвый корабль. Там оно было буквально повсюду.

Странная субстанция, в жидком состоянии напоминающая ртуть, а в твердом похожая на полированное серебро, была обнаружена на платах центрального процессора «Осириса», в его серверной, в системах связи, в проводке. Другими словами, это вещество присутствовало во всех ключевых узлах многострадального звездолета. Самым же странным открытием того дня было обнаружение своеобразного саркофага над крышкой реактора «Осириса». И саркофаг этот был отлит все из того же вещества.

Несмотря на поразительную твердость серебристого металла, Павленко все же удалось получить его образцы и изучить их в лабораториях «Прорыва». После своих изысканий Дмитрий высказал свое мнение – «Осирис-3» потерял ход, а затем и реактор именно из-за этого вещества.

– Да, кстати, насчет Дмитрия... – Володин словно того и ждал, чтобы разговор зашел о Павленко. Капитан сразу заметил это, но вида не подал. Кольскому было известно, что кап-три Володин недолюбливает кап-три Павленко. Причем капитан частенько пользовался этим обстоятельством, сглаживая своих подчиненных. Из их перепалок, (если пикировки двух офицеров можно было так назвать), Кольский часто извлекал свою выгоду. Зачастую она заключалась в доносах, которые Володин практиковал с завидной регулярностью. – ...Поступили данные, – продолжил меж тем Володин, – о том, что капитан третьего ранга Павленко планирует провести ряд исследований с участием задержанного репликанта. Вам что-нибудь известно об этом?

Кольский пожал плечами. Он знал, что Варвара Касаткина работает с задержанным и что себе в помощники она выбрала именно Павленко. Дмитрий первым обнаружил связь между сбоями на корабле и тем странным веществом, первым приступил к его изучению и пришел к выводу, что без помощи репликанта обойтись не получится. Именно поэтому он присоединился к работе Касаткиной. Хотя, была вероятность и того, что Павленко просто высосал из пальца повод сблизиться с Касаткиной. По его словам, нужно было вывести упрямого репликанта на откровенность, выпытать все, что он знает об этом веществе. Кольский знал обо всем этом, поскольку лично дал добро Павленко на работу с Романом – именно так себя называл репликант.

К слову, эта работа уже дала определенные результаты. От репликанта стало известно, что вещество называется амальгит, что оно является краугольным камнем в технике инопланетян (их, кстати, Роман назвал странным словом – ваэрры). Информацией репликант делился неохотно, (видимо, безопасники все же перестарались, допрашивая задержанного), но даже то, что уже удалось узнать Павленко и Касаткиной сильно приблизило экипаж «Прорыва» к пониманию сути происходящего на борту. К примеру, совсем недавно стало известно о том, что оболочка малого «шара», или как его называл Павленко маяка, состояла именно из амальгита. Из этого же вещества состояла оболочка и большого «шара», существование которого подтвердил Роман. Разумеется, верить потенциальному серийному убийце никто на «Прорыве» не спешил. Кроме, разве что, Варвары Касаткиной, которую Кольский попросил поиграть в доброго копа, и самого Павленко, который был заинтересован в том, что бы его слова подтвердились, хоть кем-то.

К слову, об этом амальгите... С самого начала исследований стало ясно, это вещество уникально и на Земле ему нет аналогов. В зависимости от своего агрегатного состояния, которое, по мнению Павленко, произвольно программировалось инопланетянами, это вещество могло приобретать ряд особых свойств, таких как прочность, тугоплавкость, минимальная теплопроводность, пластичность, текучесть и так далее. В твердом состоянии оно не магнитилось, не проводило электрический ток и ничего сквозь себя не пропускало – ни волны, ни частицы. В то же время это вещество одинаково хорошо взаимодействовало как с живыми организмами, подчиняясь их воле, так и с электроникой. О способности «понимать» намерения живых организмов Павленко догадался в первый же день работы с этим материалом. Поначалу он даже поцарапать это вещество не мог, не то что бы взять образцы. Но стоило ему, как он выразился, захотеть это сделать пинцетом, как металл послушно изменил свое агрегатное состояние с твердого на жидкое и переключал сперва на пинцет в виде ртутной капли, а затем и в пробирку. В пробирке вещество вновь превратилось в металл и уже в следующий раз превратилось в жидкость, лишь когда Павленко загрузил его в спектрограф. Павленко хотел изучить состав амальгита, однако результатов исследование не дало. Вернее результат был, но не тот,

на который рассчитывал Павленко. В самом начале исследования прибор попросту вырубился, а само вещество из камеры анализатора пропало. Ни сам Павленко, ни его лаборанты объяснить исчезновение амальгита не смогли, однако после детального изучения самого спектрографа стало ясно, никуда амальгит не делся, он попросту перекочевал на микросхемы прибора, загубив его. Павленко попытался подключить к сложному прибору свой ноутбук и провести диагностику, но уже совсем скоро пожалел об этом. Амальгит проявлял себя, как истинный хищник. Ноутбук, как и до него, спектрограф, приказал долго жить и вырубился. Вскрыв его, Павленко обнаружил на контактах материнской платы и процессоре все тот же амальгит. Всего одной капли этого вещества было достаточно, чтобы дорогостоящая, сложная электроника, работавшая на полупроводниках, прекратилась в груду мусора.

Спектрограф и ноутбук Павленко, изолировал от греха подальше, однако на этом Дмитрий не успокоился. Неудачный эксперимент, испортивший земную электронику, навел Дмитрия на одну мысль – что если «Прорыв» подвергся атаке амальгитом? Что если реакторы и главный компьютер крейсера сходят с ума именно из-за него? Своими первыми выводами Павленко поделился с капитаном и другими офицерами на летучке, чем сильно всех озадачил. То, о чем говорил Дмитрий, просто в голове не укладывалось. Однако его версия, хоть и была фантастической, но все же имела под собой основание. Выведенные из строя приборы красноречиво доказывали теорию Павленко. Однако скептиков на мостике хватало. Кольский хорошо помнил тот роковой брифинг двухмесячной давности, на котором Павленко открыл всему экипажу страшную правду.

– Погодите, Дмитрий Фролович, – задал тогда вопрос Серов, – но проблемы на корабле начались задолго до того, как мы посетили «Осирис».

– Я ждал этого вопроса, и подготовился, – спокойно ответил Павленко, – помните то ЧП, когда наш носовой шлюзовой отсек был полностью разгерметизирован? – Все переглянулись. – Тогда мы не разобрались в причинах повреждения шлюза, – продолжил Павленко, – рабочей версией так и остался метеорит или другой космический мусор. Но меня насторожило тогда два факта – во-первых, на момент поражения Виктор Сергеевич успел выставить носовые щиты на шестьдесят процентов, этого более чем достаточно для защиты от любого метеорита, поправьте меня если я не прав. – Серов утвердительно кивнул.

– Все именно так. Стандартная защита от космических объектов работает уже на двадцати процентах от мощности щитов.

– Спасибо, Виктор Сергеевич. – Павленко сделал паузу и посмотрел на старпома. – И во-вторых, Владимир Ильич, вспомните, что произошло после того инцидента.

Старший помощник Сорокин, замещавший Кольского в тот день, прекрасно помнил, что после устранения разгерметизации на «Прорыве» полностью вышла из строя вся энергосистема.

– Мы два часа были без связи и энергии, – ответил Сорокин.

– Именно так, Владимир Ильич, – кивнул старпому Павленко и продолжил. – Да, после мы восстановили и связь и всю энергосистему крейсера, однако причин сбоя такого масштаба до сих пор не установили. Кроме того, похожая ситуация была и на «Ксинь Джи», они даже выражали протест в открытом эфире. Все помнят этот неприятный разговор с капитаном Ли Ксяокином, когда он обвинял нас в нападении на «Ксинь Джи».

– К чему вы все это, Дмитрий Фролович? – Этот утомительный экскурс в историю недельной давности, тогда очень сильно утомил Кольского, он хорошо это помнил. Павленко это почувствовал и поспешил подвести черту под своим выступлением. Собственно, именно тогда эта черта и перечеркнула все надежды экипажа «Прорыва» на благополучное завершение миссии.

– Я изучил всю проводку в носовом шлюзовом отсеке и обнаружил это. – Павленко достал из внутреннего кармана кителя пробирку, на дне которой катался маленький серебри-

стый шарик. – Господа, боюсь, проблема куда серьезнее, чем казалось ранее. Мы заражены амальгитом. Это он блокирует работу искина и реакторов.

– Есть доказательства? – сухо поинтересовался Кольский.

– Мои ребята сейчас разбирают один из терминалов управления реакторами. Думаю, там мы тоже обнаружим амальгит.

Да уж, трудным был тот брифинг. Кольский потер пальцами виски и вернулся к реальности, где его ответа ждал Володин.

– Да, Евгений Павлович, я знаю о том, что Павленко периодически помогает Варваре Сергеевне в работе с репликантом. Я сам дал добро на это. Что именно вас смущает?

– Время, выбранное для исследований. Для работы с репликантом Павленко забронировал поздний вечер.

– И что тут необычного?

– Я говорю о грядущих сутках, командир. Дело в том, что завтра Павленко заступает на дежурство по кораблю. Вам не кажется странным, что для работы с подозреваемым, Дмитрий Фролович выбрал именно время своего дежурства?

– Время, когда за все на корабле будет отвечать именно он? – Кольский задумался.

– Кроме того, мне доложили, что Кастакина вчера тоже работала с нашим репликантом. Ночью. Если точнее в четвертом часу ночи.

– Так, и что? – Кольский не совсем понимал, к чему именно клонит Володин. – Не вижу ничего необычного в том, что Варвара Сергеевна перебирает различные варианты. Мы тоже допрашивали этого репликанта ночью. Пару недель мы вообще ему спать не давали. Вам ли не знать о психологическом давлении на допросах.

– О позднем визите Касаткиной мне доложил один из матросов, заступавших сегодня утром на дежурство. Одно обстоятельство мне показалось странным.

– И какое?

– Матрос, которого он менял, спал как сурок. Его насилу добудились. Как вы понимаете, матрос попался, как говорится, на горячем говне. Сон на посту – грубейшее нарушение устава. Матроса, разумеется, наказали, но на разборе полетов выяснилось, что вырубился он как раз после визита Касаткиной, во всяком случае, он вообще ничего не помнит о том, что было после того, как она пришла к репликанту. Девушка пыталась пронести в камеру какой-то пирог. Матрос, естественно, попытался воспрепятствовать этому, после чего Касаткина, по его словам, надавила на него, сославшись на ваш, капитан, приказ. А для пушей убедительности, она дала этому матросу попробовать тот самый пирог. Так вот, матрос убежден, что его усыпили.

– Касаткина и Павленко были за то чтобы дать репликанту связь... – Наконец сообразил капитан. Удовлетворенный Володин кивнул. – Думаешь, сговор? – Кольский сурово посмотрел на Володина. Связист лишь плечами пожал.

– Не могу знать, Борис Владимирович, но все это выглядит подозрительно.

– Ясно. – Капитан прошелся по каюте, Володин встал и вытянулся по стойке смирно. – Значит так, Женя, с китайцами я разберусь сам. Подготовь мне связь, минут через сорок. Что касается Павленко, я тебя услышал. Действуем так: во-первых, никому ни слова, ни одной живой душе. Если на корабле тлеет заговор, бунтовщиков нельзя спугнуть. А во-вторых, есть у меня одна идея... Да, и вызови ко мне Ратушняка.

Из каюты капитана Володин выходил в прекрасном настроении. Кольский под конец беседы опять перешел на «ты», что уже было хорошим знаком. Стало быть, командир верит именно ему, кап-три Володину, а не этому выскочке Павленко. Связисту удалось посеять зерно сомнения в душу капитана. И еще, что-то подсказывало Володину, что его посевная была не единственной, капитан уже давно точит зуб на Павленко и только и ждал момента, чтобы эти зерна проросли.

Глава 6

На «Прорыве» наступили очередные сутки. Павленко уже успел заступить на дежурство по кораблю, сменив командира БЧ-4 Володина, и сейчас просматривал сводку. День обещал быть насыщенным. Для начала Павленко ожидал на мостике командира корабля – Кольский наверняка захочет лично провести переговоры с китайцами, а чем эти переговоры завершатся – одному богу известно. «Прорыв» получил с Земли однозначный приказ – первым выйти на контакт с инопланетной расой. Точно такой же приказ наверняка имели и китайцы, иначе с чего бы им вообще ввязываться во всю эту авантюру. Павленко сомневался, что какая-то из сторон имела желание уступить пальму первенства.

Сам же Дмитрий, будь он капитаном, отдал бы инициативу в руки китайцев. По его мнению, рисковать учеными, военными, истребителями и шаттлами с ценным оборудованием ради простого маяка (пусть даже инопланетного), было глупо. Самих инопланетян на его борту, скорее всего, нет. Технологии, которыми инопланетяне обладают, заведомо непостижимы для земной науки (Только глупец утверждал бы обратное), следовательно, никто их просто так не отдаст. Павленко оставался непреклонным в оценке ситуации и был убежден – основной крейсер ваэрров покинул данный квадрат, оставив вместо себя необитаемую станцию. А раз так, то и выполнить приказ Земли не удастся – никакого контакта не состоится, не с кем контактировать. А вот получить по щам от ваэрров, за попытку изучить их дрон, можно было запросто. Наверняка этот, с виду безобидный, шарик имел в своем арсенале все необходимые средства защиты. Людям, по мнению Дмитрия, оставалось лишь одно – наблюдать за этим шаром, изучать его на расстоянии и пытаться понять принцип его работы, исходя из наблюдений. На худой конец, можно было понаблюдать за потугами китайцев. Лезть на рожон самим было абсолютно ни к чему. Впрочем, мнения Павленко никто особо не спрашивал, и Дмитрий оставил решение этого вопроса на откуп руководству.

День был примечателен еще по одной причине – Павленко, наконец, принял решение. Речь шла, ни много ни мало, о самом настоящем бунте на корабле – назвать иначе задуманный Павленко экс было нельзя. Дмитрий прекрасно осознавал, на какой риск идет, понимал, что за прямое нарушение приказа капитана его отстранят от должности, арестуют и будут судить на месте по законам военного времени. Но иного выхода он не видел. Командир корабля Кольский и почти все его офицеры оставались равнодушными к словам Дмитрия и никак не реагировали на очевидные факты. А факты – вещь упрямая, с ними не поспоришь и говорили они о том, что самые важные события в противостоянии ваэрров и людей теперь будут происходить не здесь, а на Земле. Вражеский крейсер узнал о вооружении землян, об уровне их технологического развития все, что только можно было узнать. Их уникальный материал заблокировал все основные системы корабля и пока с этим фактом земляне справиться не могли. Кроме того, после нескольких бесед с Романом Павленко пришел к выводу, что безумие, творившееся не так давно на «Прорыве» (и, вероятно, на «Ксинь Джи») было спровоцировано ваэррами только с одной целью – это была репетиция. Репетиция того, чем они займутся там, на Земле. От Романа Павленко узнал, что экипаж рудовоза «Марк-10» погиб именно по этой причине. Почти все на «Марке» сошли с ума под влиянием ваэрров. Выжила только Валерия Мирская. Она и рассказала Роману всю эту историю.

Впервые встретив на своем пути людей (речь шла именно о биологическом виде), ваэрры в первую очередь провели биологические исследования, то есть изучили биологию и физиологию человека, а затем они занялись изучением его психических возможностей. Первым подопытным для них был Роман – репликант выращенный на «Осирисе». Но один человек (к тому же, еще и не полноценный), это не показатель. И тут люди совершили самую грубую ошибку – они подали ваэррам на блюдечке целую группу людей, то есть, социальную ячейку – мини

общество. Воздействуя на их психику, ваэрры поняли, что могут покорить людей, вообще не прибегая к вооруженному конфликту с ними.

Размышляя на эту тему, обсуждая свои мысли с Варварой Касаткиной, Павленко пришел к выводу, который полностью изменил его мировоззрение. Люди, то есть сам вид – человек разумный, слишком юн для межпланетных контактов. И уж тем более, человечество слишком инфантильно для того, чтобы на равных тягаться с таким врагом, как ваэрры. Зрелый представитель разумной цивилизации не лез бы на рожон, не кричал бы о себе на всю галактику, не пытался бы вступить в контакт с малоизученной цивилизацией. Будь человек достаточно зрелым, размышлял Павленко, узнав о присутствии в двух световых годах от земли инопланетного корабля, он бы не послал туда свои самые совершенные корабли. Зрелый вид не полез бы в эту ловушку.

«А мы полезли – заключил Павленко. – Полезли, да еще и наперегонки друг с другом».

Как человечеству ответить на такой беспрецедентный вызов, если само человечество не может договориться между собой? Как воевать с врагом, способным подчинять волю и влиять на психику? По сути, ваэрры изучали человека только на примере Романа. Над экипажем «Марка-10» они уже ставили социальные эксперименты. Они ставили своих подопечных в нетривиальные условия, проверяли степень их прочности, степень сопротивляемости, их уровень устойчивости к стрессу и прочие психические функции их мозга. Наигравшись вдоволь, они убили их. Убили, даже не задумываясь, так же, как человек, не задумываясь, допускает гибель лабораторных крыс или мышей, проводя собственные научные изыскания. Но и на этом ваэрры не остановились. Они поняли, что человек – существо социальное, что, несмотря на все разногласия, люди нуждаются друг в друге. Благодаря экспериментам с космонавтами «Марка-10» ваэрры вывели некую формулу сопротивляемости людей. Оказалось, что в группе, в социальной ячейке, в обществе каждый индивидуум имеет более высокую степень резистентности к воздействию на их психику. И тем выше эта устойчивость, чем больше и сплоченнее коллектив, чем крепче межличностные связи отдельных особей в этом коллективе. Ваэрры, видимо, пришли к некоему парадоксу – если поодиночке люди слабы, то в толпе они способны усиливать сопротивляемость. Но с другой стороны, толпу легче направить в нужное экспериментатору русло. Достаточно выбрать в этой толпе лидера и сделать его основной целью воздействия. В итоге лидер в человеческом обществе становится самым слабым звеном, воздействуя на которое можно воздействовать и на общество в целом.

Очевидно, что после работы с экипажем «Марка» ваэрры имели больше вопросов, нежели ответов. Эксперименты нужно было продолжать, а у них кончились подопытные. И тут русские с китайцами присылают два огромных военных крейсера с экипажами по триста человек. Изучай – не хочу!

И ваэрры изучали. Они избрали ту же стратегию, что и в случае с «Марком». С учетом, разве что, новых вводных – свежий материал для изучения был куда организованнее и сплоченнее. Люди с «Марка» были гражданскими, а теперь в лапах ваэрров оказались те самые люди, с которыми им придется иметь дело на Земле – военные.

Павленко ожидал командира крейсера и мысленно подводил черту под своими размышлениями. К текущим суткам расклад был следующим: оба земных корабля, «Прорыв» и «Ксинь Джи», потеряли ход и дрейфовали в полутора километрах от малого «шара». Это было предельное расстояние, на которое могли удаляться от своих носителей шаттлы и истребители. Прорыв вычислил эту цифру опытным путем, как, впрочем, и китайцы. За их потугами преодолеть невидимую преграду, окутавшую «Ксинь Джи», офицеры российского крейсера следили с особым пристрастием – кто их, китайцев, знает, как они распорядятся своими истребителями. Сейчас оба крейсера были беззащитны, их щиты были деактивированы, любая торпеда или ракета, выпущенная исподтишка, могла привести к катастрофе. Китайцы не удосужились предупредить своих визави о грядущих маневрах, а потому с их внезапным началом на «Про-

рыве» была объявлена боевая тревога, а командирам БЧ-2 и БЧ-6 Серову и Иванову пришлось попотеть. К счастью, все обошлось. Китайцы, хоть и пощекотали нервы русскому экипажу, за рамки дозволенного все же не вышли.

И теперь, с учетом всех вводных, Павленко задавался вопросом, а случайно ли вышло так, что ваэрры остановили земные звездолеты в полутора километрах от своей автоматической станции? Имея в своем распоряжении технологии, во много крат превосходящие земные, они могли остановить землян на безопасном для себя расстоянии. Как бы ни пыжились земные челноки и истребители, они бы не смогли подлететь ни к «Осирису», ни к малому «шару». Тем не менее, экипажу «Прорыва» удалось навестить «Осирис», а китайцы смогли приблизиться к маяку ваэрров. Павленко сомневался в том, что инопланетная раса просчиталась. Вывод, они хотели, чтобы люди сунулись к «шару». А зачем?

Размышления Павленко прервал Кольский, вихрем влетевший на мостик. Его сопровождали офицеры Володин, Иванов и Серов. Стало быть, грядут переговоры, и никто не уверен в их миролюбивом исходе, заключил Павленко. Потому-то с капитаном явились связист и оба силовика.

– А, Дмитрий Фролович, сегодня вы дежурите... – поприветствовал капитан Павленко. Тот козырнул капитану и начал доклад:

– Товарищ капитан первого ранга, за время...

– А, оставьте, Павленко, я уже все знаю. Китайцы на связи?

– Да, командир.

– Евгений Павлович, – обратился к связисту Кольский, – ваш выход. – Сергей Михайлович, Виктор Сергеевич, вы знаете, что делать.

Офицеры кивнули командиру, заняли свои места за пультом управления, сменив своих подчиненных, и приступили к работе. На корабле была объявлена боевая тревога.

– Командир, – напомнил о своем присутствии Павленко, но Кольский лишь отмахнулся:

– Не сейчас, Дмитрий. Капитан на мостике, вам и другим дежурным офицерам, пока, вольно. Заступите после сеанса связи.

Капитан вел себя странно. Нет, в том, что командиру прорыва, вдруг, захотелось поручить, ничего особенного не было. Просто в норме всем на корабле распоряжался именно дежурный офицер. Капитан отдавал команды, дежурный по кораблю их выполнял. А сейчас, в его, Павленко, присутствии на мостике, вроде как, и не было никакой необходимости. Павленко кивнул капитану и отошел в сторону. Мало ли чего он там задумал.

Уже через минуту связь с «Ксинь Джи» была установлена. Капитан лично провел переговоры с капитаном китайского крейсера Ли Ксяокином. Итог этих переговоров, мягко говоря, удивил Павленко. Дмитрий рассчитывал увидеть жесткую реакцию со стороны Кольского на ультиматум, который посмели выдвинуть китайцы. Павленко, да и все офицеры на мостике были готовы к любому повороту, вплоть до открытия огня на поражение обеими сторонами. Однако переговоры прошли спокойно. Кольский, словно прислушался к мнению Павленко насчет изучения малого «шара» и договорился работать с китайцами сообща, так сказать, на взаимовыгодных условиях. На ультиматум Ли Ксяокина, Кольский ответил довольно жестко, мол, российская сторона не позволит говорить с собой с позиции силы. Капитан указал на то, что в данных условиях, ни один из земных звездолетов не имеет решительного преимущества. Ли Ксяокин согласился с коллегой и подтвердил свою готовность придерживаться вооруженного паритета в обмен на право первым изучить «шар». И тут случилось то, чего никто не ожидал – Кольский согласился на условия китайской стороны.

– А мы посмотрим, что из этого выйдет. – Вслух сказал капитан, когда связь с «Ксинь Джи» прервалась. Сказать, что Павленко был удивлен таким маневром капитана – не сказать ничего. Дмитрию даже показалось, что и сам Ли Ксяокин не ожидал от Кольского такого маневра.

К слову, ни от Павленко, ни тем более от Кольского не ускользнул тот факт, что китайцы не характеризовали цель, как малый «шар». Это не было на руку Павленко, упорно придерживавшегося своей позиции, состоящей в том, что изначально было именно два шара. Большой пропал, оставив вместо себя малый – в это верил Павленко. Но китайцы, судя по всему, никакого большого «шара» не видели и рассматривали имеющуюся цель, как единственную.

– На этом все, Дмитрий Фролович, – сказал капитан, покидая мостик. – Передаю управление «Прорывом» в ваши руки. Глаз не спускать с китайцев. Фиксировать все, что они делают с «шаром». Докладывать обо всем, что покажется вам странным. Утром жду подробный отчет.

– Есть капитан! – Взял под козырек Павленко и открыл, было, рот, чтобы задать еще один вопрос, но в самый последний момент передумал. Кольский уловил этот порыв. Он даже на секунду задержался на мостике и пристально посмотрел на Павленко.

– Что-то еще, Дмитрий Фролович?

На самом деле Павленко колебался. Ему хотелось еще раз переговорить с Кольским, поскольку Дмитрий прекрасно понимал, что его действия за спиной капитана могут стоить ему карьеры и даже свободы. Но по взгляду Кольского Дмитрий понял – нет, не пойдет он на это. Не позволит он Роману связаться с Землей. Не того склада характера был капитан Кольский. Он уже высказал свою позицию и дал понять, что не верит в рассказы задержанного репликанта.

Дмитрий сглотнул комок, застрявший в его горле вместе с доводами, и решил промолчать.

– Никак нет, командир, я вас понял. Завтра доложу по форме обо всем, что сегодня выяснится.

Кольский поджал губы, (видимо, тоже хотел что-то сказать Павленко, но раздумал), сверкнул глазами и вышел с мостика, оставив Павленко наедине с тем выбором, который тот уже сделал. Ох, и не добрым был этот взгляд. Дмитрия кольнуло дурное предчувствие.

«А, может, все-таки еще раз переговорить с капитаном? Может, подбить других офицеров на эту авантюру? Нет, – Павленко покачал головой, – на разговоры уже нет времени».

С капитаном на эту тему Павленко говорил дважды. Второй раз, кстати, он подходил к Кольскому уже вместе с Касаткиной. Молодые люди надеялись сообща убедить упрямого космического волка в том, что и он сам, и его офицеры ошибаются на счет Романа. Но капитан был непреклонен. С упорством барана он твердил одно и то же – словам репликанта верить нельзя! Нет никаких доказательств его версии побоища на «Осирисе». Никакие упования на презумпцию невиновности, никакие доводы о том, что прямых доказательств причастности Романа к тем смертям нет и быть не может, на капитана не действовали. Не действовали доводы Павленко и на других офицеров, но тут все было проще – они попросту ненавидели своенравного сослуживца. Раньше Дмитрия мало заботил собственный имидж в коллективе. Он считал, что для успешной карьеры достаточно быть профессионалом своего дела и чтить устав. Как оказалось, баллы авторитета нужно было набирать с маленьких звездочек. Сейчас же высший офицерский состав «Прорыва» уже ничто не переубедит. Даже если Павленко и раздобудет каким-то образом доказательства невиновности Романа, им не поверят. Ни фактам, ни видеозаписям, ни логам «Осириса» – ничему. Не поверят только по одной причине – Павленко был для большинства офицеров «Прорыва» костью в горле, выскочкой, считавшим себя правым всегда и во всем.

«Что же, поделом тебе, – сокрушался Павленко, – говорили тебе в училище добрые люди, иди на контакт, не выделяйся, не унижай других своими компетенциями...»

Да, Павленко сейчас все понимал, и отношение к себе со стороны сослуживцев, и настроения матросов и старшин, и многое другое. Не понимал он только капитана Кольского. Ему-то он что сделал? Где перешел дорогу? С чего вдруг Кольский так взелся на него? И было бы не так обидно, если б такое отношение к Дмитрию капитан выказывал изначально, но нет же! На «Прорыв» Павленко приволок именно Кольский. Приволок под дружное шипение всех

этих прихлебателей и охотников до чужой славы. Притащил за шиворот со словами: «Только такой энергетик мне нужен в походе».

Долго Дмитрий ломал голову над этой проблемой, даже с Касаткиной советовался. Оба, в конечном итоге, пришли к одному выводу – с бегством большого «шара» воздействие на умы экипажа «Прорыва» не завершилось. Пусть в малых дозах, но малый «шар» все же отравлял людям разум. Допускали они и вариант, что и сами подвергаются этому воздействию, однако перед очевидными фактами все инопланетные фокусы пасовали. Роман говорил правду. Роман верил в то, что говорит. Его история, хоть и звучала, как фантастический роман, но была все же логична. Кроме того, репликант ни единого раза не ошибся на перекрестных допросах с пристрастием.

В конце концов, Павленко устал сражаться с ветряными мельницами и решил перейти от губительной пассивности к активным действиям. Выбраться из западни, в которую угодили «Прорыв» и «Ксинь Жи» без посторонней помощи не представлялось возможным, следовательно, нужно было сделать все возможное, чтобы предупредить Землю о надвигающейся угрозе.

План действий созрел сам собой. Дождаться собственного дежурства на корабле, то есть суток, когда на всем крейсере Павленко был бы начальником, воспользоваться своими полномочиями, надавить на нижестоящих офицеров и матросов, если потребуется, и отправить сообщение на Землю по ЧСДС. Проблемой было лишь одно – Роман отказывался сообщать, кому бы то ни было, суть сообщения, которое планировал послать на Землю. Не говорил он и того, кто будет адресатом. То есть, Павленко рисковал не только карьерой, не только жизнью всего экипажа «Прорыва», но и будущим человечества. По его твердому убеждению, сообщение, (каким бы ни было его содержание), должны принять на уровне не ниже начальника генерального штаба. Лучшим вариантом были бы кандидатуры верховного главнокомандующего или министра обороны страны. Даже премьер-министр не годился на роль координатора действий «Прорыва» и всего военно-космического флота страны. Сведения, которые Роман планировал передать на Землю, наверняка содержали какие-то тактико-технические характеристики главного крейсера ваэрров. Как минимум, это могли быть сведения об их слабых местах. Как максимум – принцип работы таинственного вещества амальгита. С такой информацией могли бы справиться лишь военные, на худой конец, ученые физики. Но Роман попросил Касаткину заполучить личные вещи Валерии Мирской, чем, собственно сам себя дискредитировал. С его же слов, Мирская проводила эксперименты над собственным организмом и к прибытию «Прорыва» была практически на сто процентов ваэрром, как в физическом плане, так и в более широком смысле. Со слов Романа, она полностью переняла мировоззрение враждебной расы, слилась с их кораблем, могла управлять им, постоянно контактировала с их родной планетой – Сцерном.

Было очевидным, что личные вещи Мирской нужны Роману для того, чтобы передать сообщение не на Землю, а именно ей, Валерии Мирской. Но та, по его же словам, уже была ваэрром, то есть врагом всего человечества. И как тут поспоришь с логикой капитана? Все указывало на то, что Роман пытается саботировать всю миссию «Прорыва», потратив большую часть энергии на сообщение по ЧСДС.

Павленко указал на очевидные нестыковки Роману, но тот был непреклонен и утверждал, что не собирается связываться с Мирской. Приводил он при этом железобетонный аргумент – если Мирская превратилась в ваэрра, то принять сообщение, основанное на ее генетическом коде, она попросту не сможет. Но, тогда кому собирался отправлять сообщение Роман? Почему он не мог открыться? Почему не мог ответить на три основных вопроса, а именно с кем он планирует связаться, что именно хочет рассказать и почему это нельзя рассказать тут, на «Прорыве»?

Глава 7

В последние дни Роман все чаще думал о матери. Как бы ни старалась Валерия Мирская обмануть саму природу, ей это не удалось. Чем дольше Роман находился среди людей, тем меньше ощущал себя человеком. Кроме того, одно дело пытаться обмануть именно человека, и совсем другое обмануть существо искусственно выращенное. Роман не был человеком, не был продуктом миллионов лет эволюции. Он представлял собой человеческий суррогат – некое подобие человека, но никак не полноценное человеческое существо.

Именно поэтому в военных космических флотах всех земных государств имелся строгий запрет на использование труда репликантов. Никто не хотел допускать неполноценных гуманоидов к оружию. Да, репликантов могли использовать в научных целях, и Роман был тому живым доказательством. Однако испытывать прототипы новых космических аппаратов, или на собственной шкуре апробировать условия неизученных планет, будучи полностью подконтрольным людям, это одно, и совсем другое давать таким недолюдям волю.

Сейчас Роман осознавал это куда яснее. Большое лучше видится на расстоянии, а частное лучше изучать в сравнении с другим частным. Здесь, на «Прорыве» Роман получил возможность сравнить себя с другими людьми – с существами, к которым, по мнению матери, он относился. Но, чем больше репликант наблюдал за своими создателями, тем больше находил в себе различий с ними.

Одним из самых очевидных отличий репликантов от людей Роман считал неспособность последних сопротивляться влиянию ваэрров. Валерия догадывалась, что ваэрры не способны подчинять своей воле искусственных людей, но там, на «Юкко» доказать это не могла. Сама она была неподвластна влиянию Добряка, поскольку изменила свой генотип, а Роман был просто ее спутником, управлять которым ваэррам попросту было незачем. Ее собственные попытки управлять сознанием Романа не увенчались успехом. Роман хорошо откликался на обучение, легко усваивал материал и даже мог быть запрограммирован на какие-либо действия посредством вербального контакта. Но взять под контроль сознание Романа, как она делала это с аватарами на «Юкко», Валерия так и не смогла. Провоцировать же на это Добряка Мирская не хотела, и Роман теперь понимал, почему. Очевидно, что это обстоятельство было частью ее плана по спасению Земли. Разумеется, афишировать свои намерения мать не желала, а потому действовать ей приходилось осторожно. К примеру, они никогда не обсуждали с матерью различия между людьми и репликантами. Напротив, она всячески убеждала Романа в том, что этих различий попросту нет, что Роман полноценный человек, такой же как она сама, как миллиарды других людей на планете. Однако чем дольше Роман находился на «Прорыве» тем отчетливее понимал, обмануть она хотела не его, а ваэрров.

Тем не менее, Валерия была убедительна в своих речах. Ей почти удалось убедить Романа в том, что он мало чем отличается от людей – привить ему эту мысль, было лишь делом времени. Но где-то глубоко внутри себя Роман знал правду – он не человек. И сейчас эта правда слишком уж сильно бросалась в глаза. Люди, имеется в виду настоящие люди, земной выделки, имели слишком уж тонкую настройку нервной системы и обладали неким трансцендентным мерилом человечности – душой.

В наличии души у себя самого Роман сильно сомневался, поскольку так и не смог постичь сути этого понятия. Валерия часто говорила с ним о душе, пытаясь объяснить то, что, по мнению самого Романа, объяснить было невозможно. Объяснить сам смысл слова «душа» существу бездушному было равноценно тому, как объяснить слепому, что такое свет.

К тому же для Романа суть слова «душа» была столь же непостижимой, как и суть слова «вера». Нет, сам глагол «верить», Роману был понятен, по той простой причине, что к этому слову можно было подобрать синонимы. Верить означало доверять, убеждаться, полагаться,

верить – то есть, верить кому-то или во что-то. Проблемы начинались, когда Валерия пыталась извлечь из этого слова иной смысл. Так Роман узнал о тяге людей к вере в некое всемогущее и непостижимое существо – в бога. Быть верующим, по мнению Валерии, означало быть чистым душой. А само слово душа у Романа ни с чем не ассоциировалось, стало быть, ни о какой чистоте или черноте человеческих душ он не мог ни размышлять, ни судить, ни дискутировать. Получался замкнутый круг, из которого выбраться самостоятельно Роман не мог. Его мозг попросту отказывался принимать и оперировать такими понятиями. Это ли не доказательство того, что его мать заблуждалась, называя Романа человеком? Или же это означало, что Мирская не смогла убедить его в этом? Вопрос был в другом – смогла ли она убедить ваэрров и зачем, собственно, ей было нужно их убеждать?

Роман напряг память и вспомнил те слова, которые он должен был передать на Землю. Слова эти он слышал лишь единожды. Валерия заставила Романа выучить этот текст наизусть и заставила поклясться, что он передаст их ее сестре Дарье. Было это как раз в тот момент, когда Добряк был временно отключен, а Валерия занималась энергосистемой «Юкко». С точки зрения ваэрров, это была победа над человеком. Они заставили ее встать на их сторону, смогли изменить ее физические параметры и со временем, и не безосновательно, рассчитывали превратить ее в ваэрра и ментально. Они обманули доверчивую землянку. Но так ли проста была Мирская? Может, она хотела, чтобы ваэрры поверили в свой триумф? Может, именно в том и был ее план – заставить поверить врага в свою победу?

Как бы то ни было, Валерия, похоже, перехитрила саму себя. Да, с одной стороны, ей удалось сохранить информацию для землян. И Роман был для нее не более чем накопителем этой информации, временным хранилищем, флешкой, если говорить проще. Но с другой стороны, за возможность передать эту информацию Валерия заплатила слишком высокую цену. И самым обидным было то, что цена была заплачена, а информацию передать, все одно, было нельзя.

Да, Роман не верил ни Касаткиной, ни тем более Павленко. Слишком уж примитивно они действовали. Он был уверен, что эти двое ничем от остальных военных Земли не отличаются, что они попросту придумали коварный план, с целью добраться до информации, которой он владел. И, по сути, самому Роману было плевать на то, кто именно получит эту информацию и каким образом она отправится на Землю, был бы результат. Проблема заключалась в том, что на «Прорыве» эту информацию нельзя было озвучивать вслух. Крейсер был атакован амальгитом и в данный момент ваэрры практически в реальном времени имели доступ ко всему, что творится на корабле. Пророни Роман хоть слово, хоть как-то пролей свет на ключ к спасению Земли от вторжения, ваэрры об этом узнают незамедлительно. Действовать нужно было только тайно, только через систему ЧСДС, которая на военных крейсерах никак не пересекалась с другими системами связи и не контролировалась главным компьютером. А для этого нужно было, чтобы люди поверили в то, что Роман пытается помочь.

День пролетел незаметно. Сегодня Романа никто не допрашивал и не навещал. Кормили его только утром, что свидетельствовало о запланированных на вечер исследованиях. Все шло к тому, что слова Касаткиной не были простым сотрясанием воздуха. Эти двое, Касаткина и Павленко, действительно что-то задумали. Роману же оставалось все меньше времени на то, чтобы решить для себя непростую дилемму – верить им или нет.

С одной стороны, только эти двое, из всех с кем Роману приходилось общаться на «Прорыве», не делали ему ничего плохого, с другой, не уловка ли это? Опять же, размышлял Роман, где гарантия, что Павленко действительно решится преступить закон? За два месяца общения с военными Роман хорошо изучил эту касту. Людями они были образованными, каждый в своей области слыл экспертом, но вот в целом... Было в представителях этой касты нечто такое, что роднило их с репликантами. А именно – слепое подчинение приказам начальства и механизмам регулирования службы, или, как они называли его – уставу. Складывалось впе-

чатление, что эти четкие рамки, разработанные с целью создания из множества уникальных личностей один большой и слаженный организм, никто преступить не может и, более того, не хочет. Люди на «Прорыве» соблюдали субординацию и следовали уставу даже тогда, когда все их нутро кричало об абсурдности происходящего.

Вот и попробуй тут реши, что именно движет капитаном третьего ранга Павленко? Сумел ли этот странный человек перешагнуть через себя? Решился ли поверить в Романа? Или же ему приказали поверить? Хочет ли он помочь Роману, хочет ли спасти Землю, или же все его действия направлены на то, чтобы вынудить Романа открыть правду его начальству? Как вывести его на чистую воду?

Времени оставалось все меньше, Роман чувствовал это. Вот уже и свет погасили – стало быть, прошли очередные стуки, и на крейсере наступила ночь. А Роман все еще не решил, верить ему Павленко или же нет.

Так, за своими внутренними терзаниями и тревожными мыслями, репликант не заметил, как уснул. Глаза его по-прежнему были открыты, однако мозг перешел в самый приятный для романа режим работы – сон. Именно во сне Роман мог полностью отрешиться от всех своих насущных проблем, расслабиться и посвятить время себе и своим внутренним переживаниям.

Роман обожал спать. Было в этом процессе нечто таинственное и завораживающее. Особенно странным Роману казалось то, что он не выбирал, о чем именно он будет думать во сне, что именно решит, какой сон увидит, с кем будет в нем общаться. Парадоксы изменения сознания во сне всегда его волновали. Почему, скажем, в момент бодрствования, Роман сам управляет своими мыслями, а во сне, теряет контроль над собственным сознанием? Если он теряет контроль над сознанием, логично было предположить, что кто-то в этот момент этот контроль приобретает. В таком случае, Роман задавался логичным вопросом – кто именно? Кто вместо него во сне думает? Кто выбирает темы для размышлений, сюжеты для сна, мотивацию поступков? Было такое впечатление, что во время сна, настоящий Роман покидал свое тело, терял над ним контроль, позволял своему мозгу жить собственной жизнью. Получается то, что делает Романа Романом это мозг? Тогда почему во сне Роман не может контролировать себя?

На этот раз Роману снилась мать. Вернее, даже не она, а ее голос. Валерия твердила одну и ту же фразу:

– Запомни это. Запомни и передай Дарье. Запомни, Роман!

Эти события происходили больше года назад. Роман сидел спиной к Валерии и смотрел в смотровое окно Осириса, в котором не видел ничего, кроме черной пустоты. Они находились внутри «Юкко». Сам же «Юкко» был обесточен на время и готовился к запуску реакторов. Долгих полгода Валерия и Добряк готовились к этому дню. Были протянуты километры кабелей из «Осириса» в «Юкко». Было получено и изучено море информации о «Юкко» и технологиях, которыми обладали ваэры. Было сформировано бесчисленное количество амальгитовых связей между двумя чуждыми друг другу системами. Наконец, день, когда «Осирис» послужит донором энергии для оживления гиганта «Юкко» настал. И именно в этот день, когда Валерия отключила Добряка и осталась с Романом наедине, он в первый и последний раз услышал ту фразу, которая должна была спасти Землю. Конкретная фраза, сказанная конкретному человеку, в конкретный момент – только так и никак иначе. Строго, слово в слово, четко и без колебаний.

Роман напрягся и вспомнил эту фразу: «Ключ не в нас, сестренка. Ключ в твоей борьбе». Вот и все. Два коротких предложения, сказанные Дарье Мирской, должны были решить исход войны миров. Что означали эти слова, почему их нужно было сказать именно Дарье Мирской? Кто она? Кем на Земле была сестра Валерии, какой властью обладала? Как вообще, абстрактная, на первый взгляд, фраза, могла помочь людям в борьбе с ваэрами? Как ни старался Роман найти в этой фразе потаенный смысл, как ни переиначивал ее, как бы ни крутил эти слова, понять хоть что-то он не мог. Эти слова точно не были шифровкой, они не содержали техни-

ческих характеристик «Юкко», не открывали завесу тайны, которой был окутан краеугольный камень всех технологий ваэров – амальгит. В этих словах не было и намека на стратегию, которой будут придерживаться ваэры в войне с людьми. Ровным счетом ни-че-го! И, тем не менее, именно это Роман должен был передать Дарье Мирской. Именно она должна была возглавить сопротивление. И не просто возглавить сопротивление – Дарья Мирская должна была одержать победу.

В каюте зажегся свет. Роман так крепко уснул, что даже пропустил миг, когда открылась дверь. Он медленно перевел взгляд на вошедшего.

– Вы не спите, Роман? – По лицу Павленко невозможно было сказать, пришел он исполнить задуманное, или же передумал и лишь проведет стандартный ночной допрос.

Роман покачал головой.

– Хорошо. Тогда на выход.

Роман встал, накинул на себя больничную робу и вышел в коридор. Там его ждали двое вооруженных матросов. Перед охранниками левитировала медицинская каталка. Значит, будет не допрос, а медицинское исследование, подумал Роман. На допросы обычно водили пешим порядком. И кстати, с каких это пор охранников двое? Не со вчерашним ли визитом Варвары Сергеевны связано усиление? Чего же она натворить успела?

Следом за Романом вышел Павленко. Он кивнул узнику на каталку, Роман послушно улегся на холодный лежак. Его руки и ноги тут же потяжелели – сработали силовые держатели.

– Дальше я сам, – тихо сказал Павленко матросам и тут же добавил, предвосхитив тем самым их вопросы, – он уже зафиксирован. Никуда не убежит. Да ему, собственно, и бежать то некуда. Ждите тут, мы через полчаса вернемся.

Роман чувствовал повисшее напряжение между офицером и матросами. Павленко явно что-то упускал из виду. Матросы колебались и явно не планировали подчиняться старшему по званию.

– Но, приказ капитана... – начал, было, один из матросов...

– Сейчас я на корабле и царь, и бог! – Жестко отчеканил Павленко. – Я старший вахтенный офицер, матрос, и мне решать, как и где допрашивать этого гаврика. – Немного подумав, Павленко понизил тон и добавил. – Ребята, все в порядке. Капитан у себя, он отдыхает после трудных переговоров. – Видя, что уговоры не помогают, Павленко вновь включил начальника. Лицо его посерьезнело, и он решил надавить на матросов иначе. – Значит так, тугодумы, устав гласит...

– Товарищ капитан третьего ранга, мы прекрасно знаем устав, – вступил в диалог второй матрос. Говорил он спокойно, но в его голосе проскальзывал металл. У Романа больше не было сомнений, никто из матросов не собирается беспрекословно выполнять приказы дежурного офицера, – ... и, согласно уставу, – продолжил матрос, – старший вахтенный офицер во время своего дежурства обязан находиться на центральном посту.

– Яйца курицу не учат! – рыкнул Павленко, не собираясь сдаваться. – Сильно сомневаюсь, что устав ты знаешь, так, как знаю его я. Ко всем прочим обязанностям вахтенных офицеров входит еще и инспекция отсеков. Сейчас на ЦП старпом, он меня и послал осмотреть отсеки и разобраться с заключенным. – Павленко навис над матросом, всем своим видом показывая, кто тут начальник и процедил сквозь зубы. – Матрос, ты место свое знай. Не с девкой по Арбату гуляешь!

Казалось, слова офицера произвели на матросов впечатление. Оба парня вытянулись в струну, но, к удивлению Павленко от своего не отступили.

– Товарищ капитан третьего ранга, говорите, что хотите, но приказ капитана был удвоить охрану задержанного и не спускать с него глаз, даже на допросах. Делайте с ним что хотите, но мы будем присутствовать.

Павленко отступил на шаг, опустил голову и тяжело выдохнул.

– Ладно, черт с вами. Со мной пойдете.

«Вот те раз! – Удивился Роман. – Офицер и так легко сдался? Видимо, его тут не особо кто жалует, раз уж даже матросня не боится ему перечить».

– Только, принеси одеяло. Видишь, – Павленко кивнул на Романа, – продрог, бедолага. Нам его еще в томограф пихать.

Один из матросов козырнул, отчеканил слово «есть» и нырнул в камеру. Второй же матрос тут же поднял руки и начал пятиться назад. Роман извернулся так, чтобы увидеть, что происходит и только сейчас понял – Павленко взял второго матроса под прицел какого-то оружия.

– Правильно понимаешь. Иди-ка в камеру. И не шуми...

Тут из каюты Романа донесся голос первого матроса.

– Товарищ капитан третьего ранга, тут нет никакого одеяла...

Павленко лишь на секунду отвлекся на голос, но этого было достаточно для того, чтобы второй матрос решился на бросок. Раздался тихий треск, затем еще один и оба матроса рухнули на пол без чувств. На ближней дистанции против стазера особо не повоюешь. Павленко разоружил противников, сунул их оружие куда-то под каталку и закричал, оттаскивая безвольное тело оглушенного в коридоре матроса в камеру. Послышалось шипение гермодвери. А затем каталка Романа плавно заскользила над полом. Сказать, что Роман был в шоке – ничего не сказать.

По уже знакомым Роману коридорам ехали не долго. Репликант хорошо изучил этот путь. Метров через десять будет развилка, откуда есть только два пути – направо медицинский отсек, налево жилой. Допрашивали Романа, как правило, либо в камере, либо в одном из помещений жилого отсека. Дальше него его никогда не увозили. Сейчас Павленко повернул налево. Это уже было интересно – неужели Павленко решился осуществить задуманное? Или же все это было частью плана? Роман склонялся ко второму варианту. Коридор наверняка был под прицелом видеокамер. Стичку офицера с матросами по любому кто-то заметил бы. Однако тревога поднята не была, стало быть, все, что сейчас происходит, лишь часть спектакля.

Весь путь занял не более пяти минут, однако за это время на их пути никто не встретился, что для корабля таких размеров было странным обстоятельством. Обычно коридоры «Прорыва» не пустовали. Павленко, очевидно, хорошо готовился к этому спектаклю и спланировал все так, чтобы никто не смог помешать осуществить задуманное. Оставалось понять, что именно он задумал.

– Первая каюта в жилом отсеке пустует, – прошептал Павленко на ухо Роману. – Там ты переоденешься в офицерский мундир, и мы с тобой пойдем в рубку связи. Ты готов к передаче?

– А камеры? – так же тихо спросил Роман.

– Искон вырублен. За камерами следят вахтенные матросы. Сейчас они спят непробудным сном. Об этом позаботилась Варвара Сергеевна. Так, еще поворот и мы на месте...

– Добрый вечер, Дмитрий Фролович! – Начальник медслужбы, казалось, появился из ниоткуда. Его голос не показался Роману настороженным, скорее, удивленным. – А вы, товарищ капитан третьего ранга, куда это направляетесь с задержанным, да еще и в столь поздний час?

«Так-так, – мысленно улыбнулся Роман, – а этого Павленко тоже вырубит, или до антракта подождет?»

Глава 8

Пож

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.